

18+

Александр Черенов

*Преступление
из наказания*

Александр Черенов

Преступление из наказания

«Издательские решения»

Черенов А.

Преступление из наказания / А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832192-4

Висящим в петле под потолком служебного кабинета обнаружен труп прокурора области. Самоубийство? Убийство? Расследование осложняет серия странных смертей, наводящих на мысль об их связи со смертью прокурора... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832192-4

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая (год 1991)	17
Глава третья (наши дни)	26
Глава четвёртая (год 1991)	31
Глава пятая (наши дни)	37
Глава шестая (год 1991)	42
Глава седьмая (наши дни)	48
Глава восьмая (год 1991)	56
Глава девятая (наши дни)	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Преступление из наказания

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-4483-2192-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Как известно, работа дураков любит. Я, хоть и не был дураком, не мог не ответить ей взаимностью: джентльмен. И, как истинный джентльмен – «рязанского розлива» – я полагал, что даже чужое дело надо делать, как своё. Увы, так и было: я не стал тем, кем хотел стать. А кем я только ни хотел стать! Но стал тем, кем не хотел: следователем. Хорошим следователем, пусть и не от хорошей жизни. В силу хорошего воспитания я хорошо делал постылое дело. А, поскольку ни одно хорошее дело не остаётся безнаказанным, не осталось и моё. Пусть и «через не могу», но я дослужился до «титула» начальника Управления Следственного комитета при прокуратуре области. Под «это дело» я получил и чин действительного советника юстиции третьего класса: генерал-майор «в переводе на наши деньги».

Не ахти, какое достижение – для пятидесяти-то лет, но ведь и этого могло не быть. Все... многие... некоторые ещё помнят «Интернационал» и его когда-то бессмертную установку «Кто был никем – тот станет всем». На это дело можно взглянуть и под другим углом – и текст зазвучит иначе. Например: «кто был никем – тот никем и останется». Или: «кто был всем – тот стал никем». Я не был «всем», хотя «кое чем», всё же, являлся... Но об этом – в своё время. А сейчас я был тем, кем стал... после того, кем был. И с учётом этого «того» моё «генеральство» смотрелось вполне прилично.

Да и городок, в котором я начальствовал над следствием, был не последним захолустьем: как-никак – областной центр, и от Москвы – рукой подать. А что такого: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Я уже стал генералом, и теперь можно было подумать, если не о «маршале», то о следующей звезде. На худой конец – об участии «второго в Риме», той самой, которой Юлий Цезарь неблагоразумно предпочёл «номер один в провинции»...

Мои традиционные утренние мысли «за жизнь» прервал стук в дверь. Сколько раз я говорил подчинённым: «В конторе не стучать!»... в значении без кавычек, «а воз и ныне там»... вместе с руками, приложенными к двери. А ведь достаточно всего лишь просунуть голову, и испросить разрешения на вход! Это – и служебный этикет, и «устав»!

– Разрешите?

Вот теперь – после лишнего телодвижения и стука по мозгам – в дверь кабинета просунулась голова. Голова принадлежала старшему следователю по особо важным делам. Парень тридцати двух лет от роду трудился у нас три года – всё под моим началом – и успел себя проявить и зарекомендовать, и не только по линии «неуставного стука».

– Входи.

– Да, собственно...

– Входи и не мямли!

– Виноват, шеф!

Особо доверенным в этом здании дозволялось слегка фамильярничать со мной, и «Важняк» относился к их числу. Потому что «в наш тесный круг не каждый попадал»: парень работал не только на свой авторитет, но и на мой. Все остальные – «чернорабочие в белых воротничках» – обращались ко мне в соответствии с титулом: «товарищ генерал». Это было не совсем по Уставу, но ведь, какие-никакие, а погоны нам выдали!

– Ладно, докладывай!

– Убийство.

– Интересное?

– Более, чем...

После такого вступления я частично «отклеил» спину от кресла.

– «Кто да кто»?

«Важняк» неожиданно усмехнулся.

– Чему? – двинул я бровью: не терплю, когда нарушают Устав. Подчинённый слегка подобрался.

– Вы не поверите, шеф!

– Может, и поверю.

– Прокурор области!

Не скажу, что после этих слов у меня отвисла челюсть. Но губы «автоматом» сложились в трубочку – и в таком положении им уже было не удержаться от свиста.

– Фью!.. Да, брат: новость – для первых полос...

Я «собрал до кучи» только что разложенные по столу бумаги, сунул их в сейф, повернул ключ в замке – и решительно вышел из-за стола.

– Едем! Подробности – по дороге!..

Если бы я состоял «на воеводстве» в столице, то подобных выездов у меня было бы, куда больше. Благодаря ассортименту жертв сегодняшняя Москва предоставляет широкие возможности для показа себя в телевизор: чиновники, бизнесмены, «авторитеты», журналисты. Но мы – провинция, и такое «счастье» здесь выпадает редко. Даже в лихие девяностые оно выпадало нечасто, что уже говорить «за сегодня». Поэтому новость была действительно... новость: Москве впору отвыкать, а нам и не привыкнуть.

Не скажу, что я был полон скорби. Говоря по совести, если что на меня и обрушилось, то исключительно радость. По этой причине я даже готов был терпеть временные неудобства, которые доставлял мне факт «упразднения прокурора из жизни». Ведь, помимо чисто профессиональных хлопот, мне также предстояло «обслуживание» любопытства и начальственных амбиций областного руководства.

Причина моего «афронта», по нынешним временам, была донельзя простой: невероятный «сволочизм» прокурора. В «области» – в смысле руководства всех рангов и мастей – не было, пожалуй, ни одного человека, которому этот тип не встал бы поперёк дороги и горла. И не в силу избыточной принципиальности: таковой в перечне недостатков прокурора, отродясь, не было. Наш генерал – действительный советник юстиции второго класса – славился больше своими безразмерными аппетитами на чужие деньги. Просто – не прокурор, а король франков Хлодвиг: «Моё – это моё, а твоё – тоже моё!».

Терроризируя местный бизнес нескончаемыми проверками – под надуманными, но законообразными предложениями – наш главный «законник» де-факто поставил всех предпринимателей не только в положение вассалов, но и «раком». Он был неглуп, этот хапуга, но весь свой ум – исключительно прикладного характера – направлял на борьбу не за торжество закона, а за торжество личного над общественным.

Поначалу обиженные жаловались областному и московскому начальству, но вскоре осознали бесперспективность «переписки»: у товарища оказалась «рука» в столице. По причине этой «руки» уже его «рука» оказалась «длинной». Во всяком случае, её «длины» вполне хватило для того, чтобы дотянуться до горла «отдельных несознательных лиц». После этого сознательности у них явно прибавилось, чего нельзя было сказать о деньгах.

Представители другой категории, более полагающиеся на действенность иных методов уговора, несколько раз пытались вразумить ненасытного прокурора отдельными выстрелами, целыми автоматными очередями и даже «эффектом тротила и гексогена». Но товарищ, как и всякая гидра, в том числе, и капитализма, демонстрировал поразительную живучесть. Нет, все его конечности оставались на месте, но дополнительно к имеющимся «зубам» вырастали новые. Новые «зубы» – и не только на старых клиентов, но и на новых. Даже не «зубы»: «клыки».

В результате «счастливчик» мог благодарить судьбу за «всего лишь рост подоходного налога», потому, что представители другой категории выбывали. Нет, не из списка живущих, и даже не из статуса вольных жителей: из местного бизнес-сообщества. Используя рычаги –

всегда один и тот же: долевое участие – прокурор сумел подключить к процессу «восстановления законности» всю «правоохранительную» верхушку. В этом «ЗАО» «неподкупные судьи» составляли достойную компанию «продажным копам», ничуть не выпадая из дружных рядов.

После такого «гандикапа» участь неразумных борцов за справедливости была решена. Им оставалась «дорога дальняя»... из этой области: их бизнес «на законных основаниях» отходил к государству... как к промежуточной инстанции – перед тем, как отойти к новому владельцу. Новый владелец, обязательным совладельцем которого являлся прокурор, в обязательном же порядке демонстрировал теперь вменяемость и адекватность. Заодно он демонстрировал и верность установке на то, что «лучше учиться на чужих ошибках».

Таким образом, портрет нашего прокурора являлся точной копией портрета... классического негодяя из кино и романов: «карьерист, взяточник, „крыша“ банд, на содержании „авторитетов“. Пользуется заслуженной ненавистью трудового коллектива». Разумеется, «нет ничего тайного, что не стало бы явным»: я всё знал. Ну, не всё в деталях – все делишки «бескорыстного» прокурора – но я знал ситуацию «в общем и целом». То есть, «всё», как факт безобразия, давно уже ставшего нормой жизни не только в нашем городе. Вторым «разумеется» было то, что я не лез и не собирался лезть в эту грязь со своими «сантехническими средствами».

Я давно уже не был «Дон-Кихотом», предпочитая набегам на ветряные мельницы верность установке «меньше знаешь – лучше спишь». Когда-то, давным-давно, я уже боролся за правду, и того опыта мне хватило на всю оставшуюся жизнь. Потому что опыт мой оказался исключительно отрицательным. Горбом и шишками на лбу я «дошёл» до того, что «правды» – в русском, самом широком понимании этого слова – в природе не существует. «Правды» – это того, что много больше обычного соответствия какому-то факту. Правды – как синонима всеобщей и всеобъемлющей справедливости. Того, о чём с болью в сердце говорят: «Нет правды на белом свете!». И я «отошёл в сторону», чтобы оказаться «над схваткой»: наиболее удобная диспозиция. «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу». Отныне «видел» и «слышал» я лишь то, на что мне указывало вышестоящее начальство «и другие заинтересованные лица»...

– Итак?

«Важняк» откашлялся.

– Труп обнаружила уборщица. По традиции, она закрывает кабинет начальства последней и открывает первой. Прокурор... бывший прокурор, как Вы знаете, шеф, отличался невероятной придирчивостью, и требовал, чтобы к моменту его прихода в кабинете пахло не только освежителем воздуха, но и мокрой тряпкой.

– Время?

– Восемь пятнадцать.

Рабочий день в этой «конторе», как и во всех родственных ей – начинался в девять, так что уборщица вряд ли слишком припозднилась.

– Состояние трупа?

Предваряя ответ, «Важняк» непочтительно – к трупу – ухмыльнулся.

– Не могу сказать, чтобы он был свеж, как огурчик.

– Не можешь сказать так, скажи по-другому!

«Важняк» приглушил ухмылку.

– Виноват, шеф: прокурор заметно прибавил в объёме, окрасе и ароматах.

– Точнее?

Я не всегда взыскивал с «Важняка» за «любовь к литературе», но сейчас меня интересовали больше факты, чем «приложение» к ним.

– Судя по внешним признакам и информации дежурного следователя – не меньше двенадцати часов.

– И где же «почил» господин прокурор?

- На рабочем месте.
- Вот как! Перетрудился?

Я не мог не хмыкнуть: эта сволочь ещё ни разу не была замечена в верности «ненормированному рабочему времени».

- Орудие найдено?

«Важняк» опять не удержался в рамках.

- Они с прокурором составляют единое целое. Так сказать: в одном наборе.

– Верёвка? – не удержался я от кривой ухмылки. – И, конечно же, это – «самоповешение»?

Ухмылка имела право на моё лицо: верёвка и прокурор монтировались друг с другом лишь на месте происшествия – но не в теории. Даже Господь на пару с Люцифером не смогли бы затолкать этого подлеца в петлю, что уже говорить за добрую волю!

- Вы – как всегда, шеф.

Так же, как и я, «Важняк» без труда разминул с почтительностью к покойному.

- Не тот случай и не тот тип. Явно – «кем-то повешение».

Честно говоря, «задумываться на тему» не хотелось совершенно. Незнакомый сделал доброе дело, и уже одним этим заслужил право остаться неизвестным. Больше того: хотелось верить в то, что финал не оказался нашему герою аналогом пожелания «если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой». Это было бы верхом несправедливости по отношению к многочисленным жертвам «торжества закона». И я бы с радостью отошёл в сторону, но, увы: «... и ведёт нас за собой в незримый бой наше чувство долга». А поэтому «служба – дни и ночи».

- Кто выезжал?

- «Новичок». Он и сейчас там.

«Новичок» был таковым лишь по времени работы у нас. До «области» он трудился в районе – не один год, и вполне успешно. Конечно, с учётом районной специфики. Парень, если таковым можно считаться в тридцать лет, был честный, не «замазанный» городом и ещё «не до конца» отравленный его тлетворным влиянием. Хороший деревенский парень, этакий «Шерлок Холмс от коров и уток».

- Перестраховался или сообразил?

- Думаю, и то, и другое, шеф. Плюс «соблюдение устава»...

Областной центр – не Москва: всё – в пределах, если не вытянутой руки, то прямой видимости. Властные структуры – тем более: классическое соседство. Ну, как в старинной песне времён СССР: «Мы жили по соседству...». Это – к тому, что долго ехать не пришлось: минут десять, не больше. А ещё – к тому, что от здания СКП областная прокуратура находилась в десяти минутах пешим ходом. Так, что разговор получился коротким: уже приехали.

- Здравствуйте, товарищ генерал.

Первым лицом, которое меня встретило, как и требовалось «уставом», было озабоченное лицо «Новичка». Встретило оно меня не совсем «по уставу»: «здравствуйте» вместо «здравия желаю!», зато у самого порога.

- Веди!

Так как лицо встретило меня у входа в приёмную, то я был «препровождён» непосредственно в кабинет «Его Превосходительства». Там моему взору – в числе всех прочих – предстало оно: само «Его Превосходительство». Предстало оно на фоне девственно чистого рабочего стола и всего остального, что должно соответствовать классике ИКД – имитации кипучей деятельности. Посвящённых контраст не удивлял: прокурору некогда было не только заниматься «служебной рутинной», но даже имитировать её.

Центральная фигура композиции висела под самым потолком, словно нарочно исключая из состава версий даже предположение о самоубийстве. Для того чтобы попасть в петлю, низкорослому толстяку-прокурору требовалось хорошенько потренироваться в прыжках на месте – и не один день.

Крюк, за который была привязана верёвка, не вызывал сомнений в надёжности: его вбивали «по спецзаказу» для навешивания австрийской вазы из псевдобогемского хрусталя. Хрусталь, даже сомнительного происхождения – вещь тяжёлая, поэтому господин прокурор мог вешаться со спокойной душой: крюк соответствовал «заявленной массе».

Прокурор впечатлял наружностью: его, и без того жирную, харю разнесло во все стороны, и он не хуже песенного месяца, окрасился багрянцем, добавив в палитру и остальные ингредиенты радуги. К тому же, от него уже заметно пахло. Будь он не таким жирным кабаном, то и «отдав концы» до полусуток назад, не «озонировал» бы ещё воздух, или «озонировал» бы «в пределах нормы». А так мне в очередной раз приходилось сожалеть о том, что я – не «дама с веером» с полотна... или из жизни.

– Не похоже на самоповешение, – зачем-то вклинился в «экскурсию по кабинету» «Новичок». И не один вклинился: с робким кашлем и робким же видом. Констатировать очевидное не было необходимости, на что я и указал товарищу молчаливой ухмылкой.

– Что-нибудь искали?

Голос я включил, уже взбодрив подчинённого взглядом. Поскольку по характеристикам они были «одного поля ягодки», «Новичок» тут же «вытянул руки по швам».

– Так точно, товарищ генерал!

– И?

– Кое-что нашли.

– «Кое-что»?!

– Виноват, товарищ генерал! При осмотре места происшествия обнаружены два стакана с остатками коньяка, бутылка с которым...

– ???

– Виноват, товарищ генерал: предположительно с которым обнаружена в сейфе прокурора области. Бутылка с содержимым и остатки коньяка из стаканов отправлены на судебно-химическую экспертизу.

– Отпечатки?

Этот вопрос – из разряда обязательных в любом книжном или киношном детективе. Самое интересное, что для книг и кино в качестве отпечатков годится и то, на что профессионал даже глаз не уронит, не говоря уже о трате на них времени. Это в кино или книжках всё, мало-мальски напоминающее отпечатки, тут же позволяет назвать имя преступника. В жизни, увы, не так: девяносто процентов даже имеющихся отпечатков непригодны для идентификации. Помню, как на заре моей профессиональной юности надо мной долго смеялись в НТО, когда я пытался ткнуть их носом в стакан, измазанный чем-то похожим на отпечатки пальцев: «Как же „непригодны“, когда, вон, их сколько?!».

Оказалось, что стакану мало быть захвачанным пальцами: надо, чтобы отпечатки были чёткими, несмазанными, чтобы папиллярные линии не были забиты грязью, жиром, салом и так далее. Лучше всего для идентификации подходили отпечатки, сделанные «в лабораторных условиях», с соблюдением всех «требований по технике безопасности»: особый станок под каждый палец, аккуратная «прокатка» аккуратно же смазанного краской пальца по идеальной поверхности, желательна, чистому листу бумаги. А как тонко работали с пальцами! Не методом погружения в краску: специальным валиком, тонко нанесённым слоем, да отдельно по каждому пальчику, очищенному спиртом от грязи и жира!

А ещё оказалось, что некоторые «виды» отпечатков невозможно снять с некоторых «видов» поверхности. По этой причине я никогда не спрашивал подчинённых о том, най-

дены ли отпечатки на дверной ручке или на рукоятке ножа: их находят только в кино. Потому, что даже в книгах умный сыщик знает, что легче найти иголку в стоге сена, чем отпечаток на ручке двери или рукоятке ножа. Эта находка – исключительно для болванов, сидящих у телевизора.

– Отпечатки?

«Новичок» дёрнул плечом, и взглядом переадресовал мой вопрос эксперту НТО. Тот утвердительно кивнул головой.

– Как минимум, три отпечатка с двух стаканов пригодны для идентификации: относительно полные и относительно чистые. К обеду по одному стакану я буду готов.

Я косил глаза на измазанные краской руки трупа.

– Скорее всего, – утвердительно смежил веки эксперт.

– Что ещё? – переключился я на «Новичка».

– Запах духов, товарищ генерал.

Наверно, я скорчил чересчур презрительную рожу, потому что «Новичок» тут же поправился.

– Духи, как сказал эксперт, из тех, что продаются исключительно в дорогих бутиках.

– «Диор», «Шанель», «Нина Риччи», «Ив Сен-Лоран», «Медаи Асахи»? – принохавшись «к обстановке», с ходу начал я демонстрировать осведомлённость «в женском вопросе».

– Уточняем, товарищ генерал.

В этот момент в предбаннике послышался какой-то шум.

– Посмотри! – распорядился я – и «Новичок» исчез, чтобы спустя несколько секунд вернуться... головой в дверном проёме.

– Секретарша прибыли!

– Веди!

Войдя в кабинет, секретарша почему-то не подкосилась ногами, а, напротив, оглядела труп с любопытством и даже каким-то злорадством. В любом случае, признаков скорби на её лице я не заметил бы и под десятикратным увеличением. Вместо этого я заметил, что секретарша была относительно молодой и красивой. Правда, красота её была не в моём вкусе: броская и порочная. Ну, вот, не люблю я наглых рож и сисек четвёртого размера. А ещё я заметил... вернее, услышал, тот самый запах.

– Приятные духи.

– Что? – не сразу включилась девица.

– Как называется Ваш парфюм?

Лицо у девицы вытянулось: она ещё не поняла, что я уже работаю «немножко Шерлоком Холмсом». Вероятно, она решила, что я всего лишь ищущий повод для недорогого комплимента. Именно это ошибочное предположение дало ей возможность элегантно и вместе с тем кокетливо поправить рукой волосы. Разумеется, она не забыла кокетливо же улыбнуться мне, несколько не смущаясь несоответствием моменту.

– «Медаи», фирмы «Асахи». А что?

Вместо ответа я несколько раз втянул кабинетный воздух.

– Ах, это! – то ли успокоилась, то ли разочаровалась девица. – Неудивительно: я постоянно захожу... заходила в кабинет прокурора.

– А вчера вечером?

Девица «мужественно» постаралась не побледнеть.

– Вечер – понятие растяжимое...

Мне оставалось приятно удивиться: девица обладала не только сиськами, но и зачатками интеллекта – даже, если сейчас ей пришлось выдать весь его скромный ресурс. Да и язык у неё оказался не только подвешен, но и способен взаимодействовать с мозгом.

– Давайте «растянем», – «покорно» согласился я – и не удержался ... «от самого себя», чтобы потом «сузить».

Девушка ещё раз «постаралась», но уже с меньшим энтузиазмом.

– Если Вас интересует время после обеда и до окончания работы, то я в кабинете у шефа не была.

– Почему?

– Потому, что незачем было: самого шефа не было.

– Хорошо, – почти мило улыбнулся я. – Тогда – вопрос напоследок, исключительно ради проформы: до обеда у прокурора были женщины? Ну, на приёме... или «на личном приёме»?

Я выразительно поманеврировал бровями. Девушка задумалась во всю мощь своего узенького и явно непроизводительного лба.

– Нет, кажется, не было... Точно: не было!

– А коньяк «Мартель» кто-нибудь из прокуратурских употребляет?

Девушка немедленно отметилась в меня насмешливо-укоризненным взглядом.

– Товарищ генерал...

Разумеется, она знала меня... и «устав».

– ... не смешите меня! У этих голодранцев по сегодняшним временам денег только на самое дешёвое пиво! Да и то в розлив!

– Не то, что у некоторых: «а у меня всё схвачено, за всё заплачено»? – усмехнулся я, косясь на висящего в петле хозяина кабинета. – Или: «sega venientibus ossa»?

Разумеется, моё «или» осталось непонятым, но сообразительной «в общем и целом» девушке хватило и иронического взгляда на прокурора.

– Вот именно, товарищ генерал! Им даже объедков с барского стола не доставалось, потому что Хозяин не оставлял объедков... сволочь!

Как выражающая общую точку зрения, девушка не стала ни кусать, ни косить: первое относилось к языку, второе – к боязливому взгляду. Выражению не мешало даже то, что по достоверным слухам, к этой общей точке зрения она, если и имела отношение, то самое общее. Потому что её отношение к прокурору – как и его отношение к ней – было уже частным. Иначе говоря: девушка была... с одной стороны, девушка, а с другой и не девушка. Со стороны «номер один» она была «девушкой прокурора», а со стороны «номер два» – не девушкой, и уже давно. И всё это не без участия прокурора. Нет, утрата девственности произошла без его участия, но к становлению женщины он тоже приложил руку... и не одну её.

– А как – насчёт Вас?

Девушка и не подумала краснеть: *santa simplicita*.

– Ну, я – не они...

– То есть, если я, конечно, правильно Вас понял, Вам коньячок иногда перепадал?

– Вы правильно меня поняли.

После этого заявления мне оставалось лишь расплыться лицом.

– Значит, вечером... то есть, после официального окончания рабочего дня, Вы в кабинете у прокурора не были?

– Нет, не была... То есть: да, не была.

– И коньяк с господином прокурором не пили?

Девушка побледнела: всё же сообразила, если не мозгами, то хрестоматийной женской интуицией.

– Вы намекаете на...

– Я намекаю? – «лакокрасочно» улыбнулся я. – Господь с Вами, сударыня! Я всего лишь очерчиваю круг подозреваемых. Заодно я решаю вопрос, исключать Вас из него, или нет.

У девушки художественно отвисла челюсть, словно и не было минутной давности кокетства и призывно глядящей на меня груди четвёртого размера.

– К-как «исключать»?! Значит, я...

Выразительно округлившись глаза эффектно закончили фразу за хозяйку. Нет, всё же девица была не последней по объёму серого вещества. Как минимум, предпоследней. При таких исходных мне оставалось лишь «добавить сахару» в улыбку.

– Именно так сударыня: Вы – уже там! Или, как сказал бы один классический персонаж... вряд ли Вам известный: «Вы самая-с и есть-с!». Поэтому лучше Вам не усугублять... гражданка!

Давно подмечено, что переход «с товарищеских отношений на общегражданские» по эффективности воздействия не уступает традиционной «правоохранительной» дубинке. «Наш случай» не стал исключением.

– Вот – как на духу, товарищ... гражданин генерал! – обложила руками секретарша. В глазах её, помимо обживающегося там испуга, мелькнуло что-то похожее на слезу.

– Я с шефом... Мы с ним... Мы с ним были... в очень тесных отношениях... Я... никогда...

– Охотно верю Вам, – ухмыльнулся я, не смущаясь присутствием всё ещё висящего в петле товарища: будучи без петли, он ведь никогда и ничего не стеснялся. – Уточняю «размер веры»: я не сомневаюсь в «тесноте» ваших отношений. Но сейчас меня интересует их «формат» не в широком – шириной с кровать – смысле, а в узком: вчера, а именно вечером, пили вы с прокурором коньяк, или нет?

– Нет, клянусь Вам!

Из глаз девицы выкатились крупные – каратов в пять каждая – слезинки. Как мало иногда нужно для того, чтобы определить товарища даже не в позу: «в стойло». А всё потому, что как верно подметил один товарищ: «Моя Марусечка, а жить так хочется!».

Пока девица переключалась с точечных ударов по паркету

на слезопад, из глубин коридора появился «Важняк». Подойдя ко мне, он наклонился к самому уху.

– Шеф, мы просмотрели диск камеры видеонаблюдения.

По причине двадцать первого века на дворе, я давно уже не удивлялся использованию слова «диск» вместо привычного «кассета».

– Что-нибудь интересное?

– Разрешите предложить Вашему вниманию?

«Важняк» ухмыльнулся, конечно, нагло, но полезным людям я отпускал и не такое, и не в такой обстановке.

– Ладно, пошли. А Вы, сударыня...

Я обернулся на девицу, которая была занята скорбью... по себе.

– ... отдохните пока... вне границ приёмной...

В комнате отдыха, точнее, «в одной из», оборудованной последним словом бытовой техники, «Важняк» быстро вставил диск в миниатюрный плеер. Просмотренная запись оказалась небольшой, но формата «мал золотник, да дорог».

– Любопытно...

Избегая выводов, я пока всего лишь констатировал факт. Хотя запись буквально толкала на них: камера видеонаблюдения зафиксировала, как «что-то» в брюках и в женской шубе с накинутым на голову капюшоном прошло по коридору, и вошло в приёмную прокурора. Судя по таймеру, время было «наше», о чём я так прямо и заявил «Важняку».

– Судя по шубе – и девица тоже, – тоже «прямо так» усмехнулся «Важняк». – Мы уже опросили уборщицу: она признала шубу и её владельца. Точнее – владелицу. Да и брючки – с «нашей» секретарши: больше никому в прокуратуре не разрешалось их носить по причине жёсткого «дресс-кода». А Вы заметили, шеф: в прокуратуре уже никого не было – и не только время тому свидетель? Кстати, уборщица подтвердила, что к этому часу в «конторе» традици-

онно – уже ни души: наш прокурор свято исповедовал верность установке Никиты Сергеевича на то, что после восемнадцати ноль-ноль работают лишь те, кто бездельничает в рабочее время.

Я пожал плечами.

– Ну, и что это доказывает? Только то, то секретарша задержалась на работе. И, что – обязательно с целью убийства своего начальника? И как бы она засунула в петлю такого борова? Разумнее предположить, что она пришла «совокупиться на дорожку».

– В шубе?! – наморщил лоб «Важняк».

– Я же говорю: «на дорожку»!.. Кстати, ты установил, был прокурор в этот момент на работе, или нет?

– Так точно, шеф. И не только на работе, но и у себя в кабинете.

– «Откуда дровишки»?

– Уборщица «поделились», – хмыкнул «Важняк».

Я прошёлся ладонью по гладко выбритому подбородку.

– А какого хрена он делал на работе «после работы»? Ведь прежде, насколько я знаю, он не был замечен в причастности «к стахановскому движению»? Его в кабинет и палкой нельзя было загнать – разве, что собственной «палкой», наострѐнной на какую-нибудь «дыру»? Попрошай уборщицу, может, ещё немножко «дровишек подкинет»?

– Уже, шеф.

Теперь была моя очередь усмехнуться – и я её не пропустил.

– «Чтобы два раза не ходить»?

– Точно так! Она сказала, что начальник почему-то сильно нервничал, и «попросил её матом», когда она просунулась в кабинет с ведром и шваброй. Её удивила не «просьба»: начальник был в своём репертуаре. Её удивил вид прокурора, грызущего ногти. У неё сложилось впечатление – ну, это я даю литературную редакцию её рассказу...

– Ну, понятно, понятно, не отвлекайся!

– Так, вот: у неё сложилось впечатление, что прокурор кого-то ждал.

Я задумался лишь на мгновение.

– Ну-ка, давай сюда девицу! И снимите вы этого борова: хватит уже ему мозолить глаза!

Последнее указание, исполненное с качественным раздражением, адресовалась оперативникам: мужики откровенно скучали в коридоре.

– Но под моим руководством! – включился судмедэксперт.

– Валяйте! – буркнул я.

Через минуту тело покойного было предано... наборному финскому паркету. «Важняк» с секретаршей подгадали под самый торжественный момент, когда тело, всё ещё с петлёй на шее и с болтающимся обрывком верёвки, оказалось на руках «не совсем родных и близких».

Насладившись зрелищем, я повернулся к секретарше, которая дополнительно к слезам протекла и тушью, густо теперь размазанной по лицу.

– Кого ждал прокурор в кабинете после окончания работы?

Девица вздрогнула, и испуганно вспорхнула глазами из-под наращенных ресниц.

– Я не знаю... Я ушла с работы вместе со всеми...

– Но прокурор оставался в кабинете?

– Кажется, да.

– «Кажется» – или «да»?

– Да.

Меня почему-то не удивило то, что секретарша не стала морщить узенький лоб, а лишь ниже опустила голову. Девица, похоже, уже начала догадываться о наличии у меня «козырного туза в рукаве».

– А зачем он задержался?

Секретарша неуверенно – или нервно – двинула плечом.

– Не знаю... Может – по делам?

– По личным? – хмыкнул я. Напрасно – и спросил, и хмыкнул: иными делами прокурор у себя в кабинете не занимался.

Девушка «задумчиво» выдула губы, затем всё же напрягла немногочисленные извилины, в основном, снаружи, а не внутри – и лицо её разгладилось.

– Как же я могла забыть?! Начальник УСБ домогался встречи! Он звонил, и просил меня предупредить шефа!

– Предупредили?

– Да, я оставила записку на столе в кабинете.

– Почему только записку?

Девушка художественно отвесила нижнюю губу.

– Ну, вначале я позвонила шефу на сотовый, но он не отвечал. Наверно, был отключён.

– Хорошо, – на манер слепого «прополз» я ладонью по лицу: дурная привычка. – Начальник УСБ, говорите...

Я переключил взгляд на «Важняка» – и тот хищно блеснул глазами.

– Это уже кое-что, шеф.

– Вы свободны, – сухо кивнул я секретарше. – Пока...

Это «пока» достало секретаршу уже в пути следования. Она вздрогнула, и у неё подкосились ноги. Заметно подкосились. Как минимум, заметно для нас с «Важняком». Почему-то сразу чувствовалось, и чем дальше, тем больше: девушка явно не относилась к категории лиц, которые «ни сном, ни духом». Но одной её для полноценной версии не хватало: требовались иные действующие лица. Девушка хорошо укладывалась на диван, но не в схему.

– Что-нибудь интересное нашли?

Это я «потревожил тылы» в лице судмедэксперта, который усердно колдовал над покойником. Эксперт на время отставил «муки творчества».

– На первый взгляд, ничего интересного: никаких телесных повреждений. Ни ссадин, ни царапин, ни синяков, ни шишек, не говоря уже о переломах.

– То есть, следов борьбы не наблюдается?

– Пока я их не нашёл.

– А след от укола? – на киношный манер осенило меня: чем чёрт не шутит?!

– Инъекция?

Эксперт с сомнением покачал головой.

– Такому борову?! Тут нужны, минимум, три человека: «доктор» и ассистенты. Да и никаких следов от укола я на руках... Минутку!

Эксперт повернулся к трупу, и, задействовав всё ещё скучающих оперов, несколькими ловкими движениями приспустил брюки и трусы владельца.

– Ничего, товарищ генерал... И на ногах – тоже...

– А какая-нибудь химия в лицо? – продолжал я «давать кино».

Эксперт наморщил лоб: смесь удивления и скептицизма.

– На моей памяти... такая экзотика – не для Руси... Хотя...

Он протёр лицо покойного ватным тампоном.

– Шансов немного, но проверим.

– А на вскрытии? – не унимался я.

– Там шансов больше.

Бровь эксперта выгнулась дугой.

– Вы полагаете, что...

Указательный палец его правой руки уже адресовался покойнику. Я неопределённо двинул плечом.

– Ну, посудите сами: боров – за сто кэгэ, никаких следов борьбы, никаких следов инъекции, а он, тем не менее, висит под потолком! Заметьте себе: в петле, до которой ему даже не допрыгнуть! Кто-то должен был его определить туда?

А «при наличии отсутствия» определить его туда можно было только обездвиженным! Отсюда – какой вывод?

– Виноват, товарищ генерал, – смутился эксперт. – Недотумкал. Можете не сомневаться: землю буду рыть... в смысле: потроха, но, если что-нибудь там есть, я его найду обязательно! Слово даю!

– Беру, – усмехнулся я. – А тебя что там заинтересовало?

Вопрос адресовался «Важняку», который немигающим взглядом уставился на крюк с обрывком верёвки. Дополнительно «стимулированный» локтем в бок, тот встрепенулся.

– Шеф, а Вам не кажется, что преступник допустил прокол?

– То есть?

– Если он хотел создать видимость самоубийства, то мог повесить нашего подзащитного как-нибудь поближе к земле. Несоответствие-то – вопиющее.

– А ты уверен в том, что он хотел создать такую картину?

По причине «мефистофеля» в моих глазах «Важняк» задумался, и художественно округлил глаза.

– Вы хотите сказать, что...

– Да, приятель: наш неизвестный пока оппонент уже посмеивается над нами. А это говорит о том, что он – человек не с улицы.

– Наш?! – ещё больше округлил глаза «Важняк».

– Или понимающий в нашем деле: бывший или из родственных «контор». А ещё это говорит о том...

«Важняк» затаил дыхание. Я мотнул головой так, словно отрясал наваждение, и усмехнулся.

– Дежа вю...

– Не понял... – соответствовал заявлению «Важняк».

– Я – тоже... пока...

Память моя уже листала прошлое. Листала так, как листают старую книгу: «то ли чудится мне, то ли кажется...»...

Глава вторая (год 1991)

«... – Петрович?

«Петровичем» к своим тридцати трём я стал по результатам производственной деятельности и совместного распития спиртных напитков. Но в половине седьмого утра фамильярность, приемлемая в любое другое время, как-то не радовала. Ведь спать ещё можно было целый час. А с учётом того, что я пришёл домой лишь в третьем часу ночи: очередная, хоть и заурядная «мокруха» – этот час шёл за три, как на фронте.

– Это – я, Михалыч!

Представление было излишним: разумеется, я узнал голос пожилого майора милиции, «определённого на дожитие» в дежурку областного УВД. Когда-то он был неплохим опером, и я даже успел с ним поработать на закате его профессиональной деятельности. Его голос за ещё не истекшие сутки мне довелось «узнавать» в седьмой или восьмой раз: я уже сбился со счёта. А всё потому, что областное начальство ввело идиотскую практику контроля за «товарищами на местах». По сути, дублирования. Это называлось «группа по расследованию умышленных убийств, совершённых в условиях неочевидности».

Под дежурство в областном УВД нам даже отвели «комнату отдыха», которую мы делили вместе с операми, судебно-медицинским экспертом и водителем милицейского «УАЗика», закреплённого за группой. Прямо, как в романе или в кино. И всё это затевалось под благовидными и благозвучными предложениями – даже в благих целях: «координация, рационализация, специализация». Мы должны были оказывать «товарищам на местах» руководящую – она же методическая – помощь, заодно присматривая громкие, но несложные дела для отъёма в своё производство: «галочки» ещё никто не отменял.

На деле же всё свелось к тому, что я, старший следователь областной прокуратуры, должен был выезжать в «город» и в районы на заурядную бытовую «мокруху», с которой справился бы – и справлялся! – любой районный «следак»! И, что самое неприятное: это могло случиться – и случалось регулярно! – в любое время, независимо от графика дежурств. То есть, формально график существовал, но только не для начальства. Да и не для нас тоже: для стены и проверяющих. Хорошо ещё, что со временем «комнату отдыха» у нас «изъяли под производственную необходимость» – и народ «рассредоточился». Я, например, «рассредоточился» в направлении своей квартиры. Это, как раз, по пути от УВД до бюро судебно-медицинской экспертизы: «не промахнутся»...

– Михалыч, бойся Бога: мы с тобой расстались пару часов назад! Я ещё не успел соскучиться! И это, как ты знаешь, не моя неделя!..

– Петрович, я при чём? – искренним недоумением отозвалась трубка. – Ты же знаешь: моё дело петушиное. Да, это не твоя неделя, и следователь уже на месте. Но мне велели поднять и тебя.

– Кто велел?

– Твой прямой и непосредственный: прокурор области!

– Тьфу ты!..

Тактичный Михалыч не препятствовал моему желанию «выговориться по-русски». И только когда я обречённо вздохнул, он «включил звук»:

– Так ты выходи, Петрович: машина уже во дворе... Минут пять, как дожидается тебя.

– Ну, ты и змей, Михалыч!

– И я рад тебя слышать, Петрович! – рассмеялась трубка в ответ.

Я покосился на валяющиеся в кресле джинсы, и ещё раз протяжно вздохнул. Подумал о холодном чайнике, махнул рукой – и принялся натягивать штаны.

Чтобы заметить машину, не требовалось зоркости «Соколиного Глаза». Спасибо ещё водителю, что не потревожил гудком ни меня, ни соседей: терпеть не могу такой формы вызова. За рулём сегодня был мой старый знакомый, пожилой старшина, с которым мы... нет, пуд соли не съели, но этот «УАЗик» не раз таскали на горбу, когда заканчивался бензин. А бензин, по нашему скудному времени, заканчивался досрочно через раз. Время и в самом деле было скудное и даже паскудное: тысяча девятьсот девяносто первый год от Рождества Христова и шестой год от пришествия «Антихриста» по фамилии Горбачёв.

– Здорово, Петрович!

По причине «неоднократного взаимодействия горбов» я не обижался на «несоблюдение устава» с его киношным «Здравия желаю, товарищ старший следователь прокуратуры!».

– Давно не виделись! – буркнул я, плюхаясь на сиденье. И то: «целых» два часа, как он доставил меня домой с очередной «мокрухи»! – Ехать-то далеко?

– А Михалыч не сказал тебе? – почти удивился водитель.

– Да я от злости и не спросил!

– В гости к начальнику управления юстиции.

Я слегка «проснулся».

– За каким хреном?

– Оформить «хрена» на вынос! – хмыкнул водитель, поворачивая ключ зажигания. – Ногами вперед.

Тут я «проснулся» окончательно.

– Иди ты?!

– Что я сдох!.. Но только не так, как этот хрен. И не так скоро.

– Фью!

По причине экстравагантности известия я не смог ограничиться одним лишь художественным свистом, и заходил головой из стороны в сторону.

– Дела-а... И где наш герой преставился? По месту жительства или по месту работы?

– Не угадал.

Водитель повернул ко мне смеющееся лицо: работа такая, да и время не располагало к сантиментам.

– Культурный центр «Шехерезада» знаешь?

Ещё бы я не знал! «Культурный центр»! Ещё совсем недавно это был заштатный, хотя и неплохой по меркам провинции кинотеатр. Но грянула перестройка – и очаги культуры оказались не нужны. Точнее: оказались не нужны именно такие очаги культуры: театры, кинотеатры, библиотеки, клубы, спортзалы. «Не отвечающие требованиям времени и запросам населения», если совсем точно. Запросы населения в лице «отдельных граждан» росли пропорционально доходам. Возникла «острая нужда» в очагах культуры «нетрадиционной ориентации». Народ имущий жаждал приобщения к «новой культуре». Её «лицом» и стали кооперативные рестораны, ночные клубы, дансинги, видеобары, сауны, массажные салоны с набором дополнительных услуг не массажного характера, которые очень быстро вышли в основные и единственные.

Тихо умирающий кинотеатр «возродил к жизни» один из «пионеров» кооперативного движения области «авторитет» по кличке «Ахмед». В этом «культурном центре» подавалось всё: от «амаретто» до порнографии в записи и в натуре. По этой причине сей «очаг культуры» приобрёл не только всеобластную популярность, но и всеобластное же значение. За короткое время в области не осталось ни одного, мало-мальски заметного руководителя, который не освятил бы своим присутствием сей «храм новой культуры».

Начальник областного управления юстиции – крупнейшая сволочь области и «по совместительству», и «по главному месту работы» – кооператором не был, но это не мешало даже состоятельным бизнесменам зеленеть от зависти при одном упоминании его имени. В девяносто первом году понятие «нетрудовые доходы» вначале «расплылось», а затем и вовсе «вышло

из обращения». Поэтому никто и ничто не мешало шефу областной юстиции систематически «повышать культурный уровень» в «очагах новой культуры»...

– «Шехерезада»? – хмыкнул я. – И что: мозг этого «светильника разума» не выдержал очередного «груза знаний»?

Водитель тут же придал взгляду интригующий характер.

– Нет, Петрович: товарищ – исключительно по вашей части.

Водители – это такой народ, который знает всё, и всё это узнаёт, если не первым, то в очередь с горничными, уборщицами, старушками на лавках у подъездов, дворниками и прочими лицами смежных (в том числе, и в значении «сведущих») профессий.

– Не хочешь ли ты сказать: «пуля-дура»?

– Не хочу! – осклабился старшина. – Потому что не «пуля-дура» и не «штык-молодец»: петля.

Я ненадолго удалился – вместе с отвисшей челюстью – и вернулся уже с текстом, правда, лаконичным предельно:

– Любопытно...

...Полюбопытствовать, кроме меня, собрались все, кому не лень. Оказалось, что не лень всем, кроме меня. Несмотря на раннее время, место действия посетило всё областное и городское начальство «с правовым уклоном». От генеральских звёзд на погонах и петлицах слепило глаза. Всем, но не мне: в этих кругах я проходил за неформала. Как минимум: деятелем формата «к мандатам почтения нету». И сейчас, подтверждая заслуженную репутацию, я не стал делать исключения ни для кого: ни для чинов, ни для этого раза.

Тем более что моё появление не осталось незамеченным: у одних прокисли лица, у других захрустели челюсти. От «приступа симпатии» ко мне, естественно.

– Экскурсия окончена, товарищи и господа!

Я не иронизировал: последнее обращение всё больше входило в моду и в оборот. Как и моё появление, это «дружеское приветствие» вызвало «здоровую реакцию здорового в целом коллектива»: я получил мощный заряд отрицательной энергии из глаз и шипящих ртов. Для любого другого такой заряд оказался бы «смертельным», но я даже не пошатнулся: «и я вас люблю... всех скопом!»..

– Благодарю всех за сотрудничество и проявленное участие к покойному, а теперь прошу дать опергруппе возможность «н`ачать» работу.

Я просил не зря: следователь и «опера» робко жались по углам и стенам, пока высокое начальство демонстрировало – в основном, друг перед другом – наглые рожи и отсутствующий профессионализм.

– Вы что себе позволяете? – художественно побагровел лицом прокурор области.

– Не больше того, что позволяет мне УПК. Если же Вы по поводу «н`ачать», то это не ко мне, а к Михал Сергеичу. Это он «позволяет» – и не только себе, но и всем нам.

Я даже не повернул головы в сторону этого «правоохранителя», больше известного своим холюжем перед вчерашними партократами и сегодняшними «демократами». Товарищ «произрастал» из инструкторов обкома, прибыл к нам из отдела административных органов, и за прошедшие пять лет не сделал ни одного шага без санкции обкома и заместивших его вскоре «народных депутатов».

– Не Вы ли говорили мне, что следователь – процессуально самостоятельное лицо?

Я не стал уточнять, что сказано это было в контексте одного моего обращения за содействием: мне срочно требовалось допросить возникшего в поле зрения «большого дяденьку» из облисполкома. «Дяденька» – первый зампред и член бюро обкома – возник в связи с очень неблагоприятными обстоятельствами, отнюдь не столь безобидными, как морально-бытовое разложение. «Товарищ» активно участвовал государственными капиталами... в индивидуальном предпринимательстве. В своём. Едва услышав фамилию и только взглянув на материалы дела,

прокурор тут же открестился «от соучастия»: «Вы – процессуально самостоятельное лицо. Закон даёт Вам право допрашивать любое лицо». Таким образом, говоря о лицах – моём и любом другом – прокурор в очередной раз показал своё.

От такой «возмутительной непочтительности» вышестоящее начальство решительно... поблудило – и обратилось ко мне спиной. Это дало мне законное право расценить маневр, как воплощение в жизнь лозунга «Победа будет за нами!»

– Приступаем!

Народ служивый «отклеился» от стен, и всё ещё опасно косясь на «большие звёзды», зашевелился в соответствии с УПК. Некоторое время «совокупное руководство» оторопело от моего «хамства», затем совсем недолго «замешало» подчинённых у стен, и, наконец, осознав бесперспективность съедания меня на месте происшествия, тихо удалилось в двери.

Теперь я получил возможность предаться созерцанию трупа, «устроившегося на временный отдых» в центральной кабинке «мужской секции» местного сортира. Бывший – ещё вчера – начальник областной юстиции висел в петле над унитазом уже основательно посиневшим: в связи с налётом «большим звёзд» ни эксперт, ни следователь так и не решились «предать товарища земле»... из метлахской плитки. Труп живописал не только радужными переливами и раздавшимися формами, но и художественно разбитой головой, кровь из которой уже не сочилась лишь по одной причине: «высочилось» всё, что могло.

– Тело осматривали? – повернулся я к эксперту.

Тот молча отработал головой «по горизонтали».

– А давно Вы здесь?

Голова эксперта опустилась ещё ниже.

– Вы хотите спросить, чем я занимался всё это время?

– «Ты говоришь!» – буркнул я, поворачивая шваброй «экс-вершителя судеб».

– Вы же сами видели обстановку...

Текст шёл, хоть и из головы эксперта, но по-прежнему откуда-то снизу.

– ... «Экскурсантов» понаехало не меньше двадцати штук... Как было работать в такой обстановке?!..

– Ладно, приступим, – махнул я рукой, приговаривая эксперта «к исправительным работам». Мужик быстро натянул на руки перчатки, и оглянулся на меня. Я понял этот взгляд, и, в свою очередь, оглянулся на «оперов».

– «Предадим товарища земле», джентльмены!

Спустя минуту эксперт уже осматривал тело

в горизонтальном положении.

– Ну, что скажете?

С этим экспертом мы были «на Вы». Вернее, это я держал дистанцию, а он не прочь был её сократить. Но я человек злопамятный, и не мог так скоро «отпустить» ему откровенно хамское поведение на первом нашем совместном выезде. Товарищ вздумал учить меня жизни, а в результате был научён ей сам.

– На самоповешение непохоже...

– Подвесили товарища?

Эксперт неопределённо двинул плечом: раньше он был, куда решительней. Видимо, жизнь и в самом деле его научила, и не только судебной медицине, но и самой себе. Осмотрительности, в любом случае.

– Характер раны на голове даёт основание предположить...

– Бессознательное состояние? – «подвинул» я товарища к ответу. На этот раз товарищ не стал «отодвигаться назад». Я оценил это, и «склонил голову» перед павшим: стал изучать его затылок.

– Откройте, пожалуйста, рану.

Эксперт тут же сделал покойнику «глубокий пробор».

– Похоже на кастет...

– Тупой твёрдый предмет, – осторожно кашлянул эксперт, так же осторожно покосившись на меня.

Я усмехнулся.

– Ну, естественно. Детали мы уточним в протоколе.

Речь шла, разумеется, о протоколе допроса, в котором я уточнил бы уклончиво-хрестоматийную формулировку о «тупом твёрдом предмете». Уточнил бы я её «привязкой» к кастету. Ну, а пока я обернулся к следователю и операм.

– Не находили?

Вопрос можно было и не задавать: не для того товарища «одарили» кастетом по голове, чтобы он так просто нашёлся. «История вопроса» давала возможность предположить, что кастет, если и найдётся, то лишь там, где и должен быть найден... по замыслу «ответственного за хранение».

– Ну, хоть что-нибудь нашли?

А уже этот вопрос я задавал неспроста: коллеги тут же разбежались по углам в поисках «хоть чего-нибудь». Спустя двадцать минут – туалет, хоть и общественный, но всё же, не танцплощадка – первые результаты были сунуты мне под нос.

– Петрович – вот, полюбуйся!

Народ не выстраивался в очередь, а попросту высыпал из кулька, сооружённого из газеты, всё, что добыл за четверть часа. Классический «общий котёл» – верный признак «здорового морального духа коллектива». На чистый лист бумаги формата А4, извлечённый из папки следователя, легли «вполне ещё работоспособный» окуроч сигареты «Мальборо», обрывок верёвки с бурыми пятнами на ней, пуговица из рога какого-то парнокопытного.

– Что откуда?

Следователь – новичок, потому и аккуратист – подцепил окуроч пинцетом.

– Окуроч сигареты «Мальборо» найден под умывальником. Пуговица лежала в грязи возле унитаза... Да, ещё отпечаток каблука ботинка нашли!

Следователь дрожащими руками открыл папку, и извлёк из неё стандартную дактоплёнку светлого цвета. Её хватило на то, чтобы покрыть след от каблука. Будь на месте «каблука» «целый ботинок», пришлось бы использовать лист обыкновенный бумаги.

– Похоже на кровь...

– Я тоже так думаю, Петрович.

Новичок «шёл на сближение», и я не стал его тормозить, хотя и не отметил встречным движением. Но товарища следовало поощрить за усердие, и я не стал его «возвращать на исходную».

– А что скажет эксперт?

Судебный медик неопределённо двинул плечом.

– А точнее?

– Проверим...

– А чего тут проверять, – хмыкнул я, – когда возле унитаза – лужа крови... ну, хорошо: «вещества бурого цвета, похожего на кровь»? Да и следы тянутся от унитаза до умывальника?! А здесь видно, что наш оппонент «совершил омовение подошв ботинок»... Кстати, трассу проверили?

Новичок энергично боднул головой.

– Так точно.

– И?

– Следы в коридоре явно замывались.

– Ладно... А что это за пуговица?

Я повертел в руках уже очищенную от грязи пуговицу.

– Симпатичная штучка... Кажется, рог. Такая – не на каждом пиджаке.

На «Шерлока Холмса» я сейчас не притязал: такого размера пуговица могла быть только от пиджака.

– А пуговичка...

Я скользнул глазами по пиджаку убиенного.

– ... явно не из этих мест.

Действительно, все пуговицы «на трупе» были в наличии, да и в виду своего пластмассового происхождения «не покушались» на оригинальность.

– Конечно, это ничего ещё не значит...

Я с сомнением повертел в руках пуговицу.

– ... Эта штука вполне может не иметь никакого отношения к делу. Её мог «оставить» любой завсегдатай «очага культуры», и не обязательно сегодня... Хотя пуговичка – весьма примечательная. И, если она – «того, кого надо, нога», то здесь она неслучайно.

– «Оставили на память»? – полыхнул глазами следователь: парень явно выказывал прогресс в части работы головой.

– Или в процессе работы с товарищем.

Я проиллюстрировал текст косым взглядом на жертву.

– А, если случайно? – не догадался уняться «следак».

– Мог бы и сам додуматься! Если случайно, значит, непосредственно к моменту убийства она не имеет отношения.

Следователь ушёл глазами в сторону – за недостающими мыслями.

– То есть, Вы хотите сказать, что...

– .. пуговица была оторвана в драке, предшествовавшей моменту убийства, и не связанной с ним. И я не «хочу сказать», а уже сказал выше. Слушать надо – и делать выводы!

Следователь и «опера» переглянулись: я шёл по пути наибольшего сопротивления, и их вёл за собой.

– Убийц... то есть, участников было больше двух?! Ты на это намекаешь, Петрович?!

Общую позицию озвучил хорошо мне знакомый майор из УУР УВД области. И, несмотря на то, что мужик был башковитый и не «шланг», озвучил он не только общую позицию, но и общее недовольство. И то: одно дело – убийство «раз на раз» на почве ссоры, или надо искать разрозненные звенья! Как говорят у нас в одном южном городе: «две большие разницы и одна маленькая»!

В ответ на вполне понятный вопрос «опера» я даже не стал усмехаться: я ведь тоже – не Павка Корчагин. И у меня, помимо служебной жизни, есть личная... была, то есть... должна быть...

– Ну, «надейся на лучшее – готовься к худшему»... Будем надеяться на то, что наш оппонент «всего лишь потерял» эту пуговицу, а не аккуратно «расстелил» её под унитазом... Хотя...

Словно отгоняя малоприятные мысли, я махнул рукой и переключился на остальные вещдоки.

– Так, окурочек чистый, без следов помады. И духами не провонял. Маловероятно, что он «из женщины». Да и обслюнявлен хорошо... Хорошо, доктор?

Эксперт оторвался от трупа.

– Хорошо.

– А не слишком ли хорошо?

Я может, и не хотел, так мои губы сами растянулись в усмешке. Эксперт посмотрел на фильтр и «прилегающую к нему область» в лупу.

– Ну, насчёт слюны – вряд ли... Но тут даже фрагмент отпечатка имеется... Может, это – слишком? Такие сигареты грязными руками не курят. Ну, руками алкаша.

Вдохновлённый анализом, я на время позаимствовал у эксперта «монокль».

– Bravo, медицина! Хоть зачислай Вас в резерв опергруппы. Правда, фрагмент вряд ли пригоден для идентификации... Семёныч?

Пожилой эксперт НТО отделился от группы и от стены, которую он ковырял скальпелем.

– Чего?

– Отвлекись от раскопок. Кстати, чего ты там накопал?

Вместо ответа Семёныч протянул мне фрагмент кафельной плитки. Я даже не стал приглядываться: сразу же покачал головой.

– Смотри, ты! А что: «сгодится нам этот фрайерок»!

«Фрайерком» работал бурый отпечаток пальца, вполне пригодный «для запуска в производство».

– А у тебя, Петрович – чего?

Мы, «практикующие юристы» – люди простые: если я ему «Семёныч», то он мне, самой собой, «Петрович».

– Да, вот, взгляни.

Семёныч лаконично приложился глазом к лупе и тут же покачал головой.

– «Не прохонжэ».

– Тогда я надеюсь на твой.

– А что тебе ещё остаётся? – хмыкнул эксперт.

– Ладно, ковыряйся дальше, – не остался я в долгу. – Так, джентльмены, и что мы имеем, так сказать, «итога»? Окурочок, отпечаток, пуговица, «палец» на стене... Ах, да: ещё покойник в резерве.

Без должного, а заодно и недолжного, почтения к умершему... негодяю, я вывернул карманы его брюк и пиджака. Улов оказался богатым: пачка «сотенных», лишь слегка початая, два презерватива в упаковке – товарищ явно не собирался ограничиваться «одним заходом» – и несвежий уже носовой платок, явно заменивший владельцу салфетку.

Наибольшего внимания заслуживали две вещи: записная книжка и монета достоинством в одну копейку. Последнее само по себе уже не могло не вызвать законного любопытства: товарищ сотенных не считал, и уже не только рублей. А тут – копейка! Да ещё не простая. Нет, не золотая: согнутая посередине. Аккуратно согнутая, как по линейке.

– Любопытно...

Я обратился за солидарностью к коллеге из прокуратуры, но тот «солидаризовался» со мной лишь выпученными глазами и слегка отвешенной челюстью. Поскольку товарищ подводил меня, пришлось и мне подводить его... к ответу.

– Никаких аллюзий, как говорит наш словоохотливый Михал Сергеич?

– Хм... хм... – старательно прочистил горло коллега.

– Знак? – ещё решительней подтолкнул я товарища. – Или подсказка?

– Знак?!

Лоб коллеги проявил удивительные способности в деле формирования морщин: они избородили там всё пространство. Но отвешенной челюсти «на выходе» это мероприятие не отменило.

– Не понял...

– Вижу, – не пожалел я коллегу: оно и для ума полезней. – «Судьба – индейка, а жизнь – копейка». А жизнь этого типа и гроша ломаного не стоит.

Челюсть коллеги отвисла ещё ниже, но во взгляде появился смысл.

– А ведь верно! Бандитский знак!

– Или наводка на него, приятель. Иначе говоря: подсказка нам

с тобой. «За так», но не просто так.

– Что-то вроде крючка?

– Не исключено...

Я покачал головой: ну, вот, не люблю я, когда много всего. Потому что на месте происшествия много всего – это... слишком много. Это чересчур. Да, чаще всего, по глупости. Но нередко и от большого ума. А это уже совсем нехорошо.

– Ладно, заглянем в записную книжку.

Я веером развернул записную книжку и опять удивился. И опять неприятно.

– Ба, да кто-то уже заглянул в неё до нас!

Заинтригованный прелюдией, коллега простонародно выглянул у меня из-за плеча. Не меня «диспозиции», я «ткнул» парня «глазами» в книжку.

– Видишь: несколько страниц отсутствуют. И вырваны они явно не в стерильных условиях: наспех, грубо, да ещё грязными пальцами... Семёныч, это – по твоей части.

Эксперт НТО, уже откровенно скусающий у стены – всё, что можно было взять от неё, он уже взял – присоседился к «следаку».

– Приглядиись, Семёныч, к первой – от «демонтажа» – странице.

Эксперт вооружился лупой и последовал указанию. Пару раз он вынырнул у меня из-за плеча, а потом это ему надоело – и он протянул руку:

– Дай сюда!

Некоторое время он молча вертел блокнот под разным углом к источнику освещения: забранной в металлическую сетку люминесцентной лампе. Спасибо «Ахмеду»: прежде здесь тускло мерцала покрытая слоем пыли и мушиного кала двадцатипятиваттная лампочка накаливания – одна на весь туалет, тогда ещё уборную.

– Знаешь, Петрович, можно попробовать...

– Методом съёмки в косопadaющих лучах?

Эксперт ухмыльнулся.

– Ну, ты же дока в наших делах... Хотя кое-что я и сейчас могу сказать. На первой «живой» – от последней вырванной – странице остались вдавления каких-то цифр. Что-то с нулями. Ещё просматриваются крестики. Остальные подробности завтра.

– Сегодня.

Семёныч отдернул рукав пиджака.

– Тьфу, ты: и в самом деле!

– «Ах, как скоро ночь минула...», – поработал я «немножко Остапом Бендером».

– Вот именно, – декадентски хмыкнул Семёныч. – Ладно, звони после обеда: что-нибудь «нарисую».

Я разогнул спину.

– Ну, что: для начала хватит добра?

На этот раз коллектив моментально выказал сплочённость: все дружно загудели в ответ: «Хватит» Хватит!». Понять товарищей было несложно: каждому хотелось поскорее в душ и к обеденному столу, чтобы слегка взбодриться перед очередным «забегом на длинную дистанцию»: ненормированный рабочий день явно просматривался на неделю вперёд. Почему именно на неделю? Никакой тайны: практика. Например, раскрытие дела по «очень горячим следам» – это в течение суток. Раскрытие по «горячим следам» – до трёх суток включительно. Раскрытие по ещё «тёплым следам»... когда ещё теплится надежда – в течение недели. Раскрытие в течение десяти дней – это уже комбинация из «ещё не совсем простывших следов», фарта и случая. То есть, уже – «как карта ляжет».

После десяти дней – исключительно «делопроизводство»: работа на бумагу. Для объема. Для проверяющих. Для того чтобы «замазать глаза» и «отмазаться». Потому что декада вхолостую – это «висак сто процентов». Нет, «висаки» тоже иногда раскрывали, но исключительно

в двух форматах: либо чудом, либо «перевешиванием на добровольца» в порядке «аналогии преступлений». Не знаю, как в других областях, но в нашей дело – вместе с «делами» – обстояло именно так. Первые три дня мы «рыли носом», до недели включительно «рвали пупки и жилы», «на автопилоте» дотягивали до десятидневного «юбилея» – и, наконец, переводили дух. Именно так: не «капитулировали», а «утирали заслуженный трудовой пот»: «я сделал всё, что можно – пусть другой сделает больше».

– Тогда – по коням?.. Отставить!

Товарищи ещё не успели испугаться, а я уже уточнил формат команды:

– «Не пугайтесь, граждане!» Это – скорее, «задание на дом». Как мы видим, «наш подшефный» не сверкает ни золотом, ни бриллиантами. А это не очень вяжется с его «обликом выходного дня». Отсюда задача: установить, не сняли ли с этого хмыря «что-нибудь на память»? Ну-ка, дайте сюда уборщицу!

Один из оперов быстро метнулся к двери: видимо, ему больше всех хотелось домой. В проёме он столкнулся с движущимся во встречном направлении коллегой. Не моим: его.

– «Ахмеда» привезли!

Моя бровь без спроса выгнулась дугой.

– «Ахмеда» привезли»?! Смелые люди!

Я не иронизировал: этот «авторитет» был таковым не только в кавычках. Как говорил Аркадий Райкин: «Всё городское начальство туваровед любит, ценит, уважает!». В нашем случае поправку нужно было делать лишь на уровень начальства: «любило», «ценило» и «уважало» «Ахмеда» всё областное начальство. Но за то же самое, что и городское – коллегу «Ахмеда» по юмореске: как и «туваровед», «Ахмед» «сидел на дефсыт». Только уровень «дефицита» у «Ахмеда» был выше: в эпоху всеобщего дефицита этот товарищ мог обеспечить не только белужью икру, дачу, иномарку или шикарную девочку, но и «переход в другую лигу»: из политиков в бизнесмены и наоборот. А «материальную помощь» – это, уж, как водится.

Поэтому областное начальство горой стояло за «Ахмеда»... и свои привилегии. А уже поэтому доставка «авторитета» в порядке навязчивого сервиса была сродни подвигу.

Пока «доставляли» «Ахмеда», я успел переговорить с уборщицей, «насмёрть» запуганной вопросом о «перемещении материальных ценностей» из гражданина бывшего начальника юстиции.

– Клянусь, товарищ... господин... гражданин...

– Ну, так, уж, и сразу: «гражданин»! – решительно снизошёл я.

Для того чтобы сделать это, мне достаточно было одного взгляда на изуродованные хлоркой руки уборщицы, и её не менее изуродованное – но только жизнью – лицо.

– То есть, Вы, как увидели этого «друга» в петле, так только Вас и видели?

Вокруг засмеялись, но старушке было не до тонкостей стиля, и, уж, тем более, не до смеха. Вместо этого она принялась истово осенять себя крестным знаменем.

– Так и было, гражданин... то есть, товарищ... ну...

– Ну, понятно, понятно, бабуля! – не отделил я себя от народа: похлопал старушку по плечу. – Можешь идти: никто тебя ни в чём не подозревает... Ну, а с «Ахмедом» мы поговорим не в сортире...».

Глава третья (наши дни)

... – Товарищ генерал! – вклинился «Новичок». Пока мы с «Важняком» предавались философии, он работал «за себя и за того парня» на осмотре места происшествия. – Есть свежая партия вещественных доказательств...

– Дежа вю...

Я хмыкнул и покачал головой. «Новичок» ещё и не успел подключиться к недоумению «Важняка», а я уже «заходил на него» с вопросом:

– Ну, и что вы «нарыли»?

«Новичок» тут же «вывесил» передо мной в воздухе полиэтиленовый пакет с просвечивающим сквозь него окурком.

– Чьих будет? – слегка покривил я щекой.

«Новичок» в меру дозволенного ослабился.

– Пока – только от марки «Давидофф», товарищ генерал. А над подробностями будем работать.

Мы переглянулись с «Важняком».

– Приметные сигареты, – уважительно хмыкнул я. – Не для народа...

– «Автандил»? – включился «Важняк».

Я пожал плечами.

– Не торопись с выводами... Может, он. А, может, и нет.

Да, не только я, но и все – кому положено – знали, что упомянутый товарищ давно и бесповоротно отдал приоритет сигаретам именно этой марки. Но сразу «делать наколку» на этого человека мне бы не хотелось: «Автандил» являлся самым авторитетным «авторитетом» нашей области, имел выходы на столицу, и они оба пользовались там заслуженным уважением. «Они оба» – это он и его бизнес. Там за ним стояли очень «рослые» фигуры, поскольку он стоял за них здесь. При таких исходных без «железобетонных» улик к нему и соваться не стоило. Потому что соваться к нему «наобум Лазаря» – всё равно, что соваться в петлю. А для таких подвигов я был всего лишь маленьким генералом, и отнюдь не Наполеоном.

– Что ещё?

«Новичок», «отсутствовавший» в момент нашего диалога – не положено по рангу – встретился.

– В столе прокурора среди его рабочих бумаг обнаружена странная бумага...

– «Странная»?

– Да, товарищ генерал: именно странная. Это – какой-то список без оглавления. Выполнено, похоже, рукой прокурора: мне этот почерк знаком.

– Покажи!

«Новичок» быстро нырнул рукой в папку, и протянул мне единственный листок. Я скользнул по нему глазами.

– Да, это – его рука... А фамилии-то, какие! Мама миа!

А контекст! Мда... За один «несанкционированный взгляд» на них и свинцом угостить могут!

«Важняк», уже наполовину протянувший руку к бумаге, тут же отдернул её обратно. Я усмехнулся.

– Не бойсь, сыщик! В крайнем случае, мы ничего не видели, потому что ничего не нашли! А не нашли потому, что и не искали! Ты понял?

Этот вопрос адресовался уже «Новичку». Парень вздрогнул, и испуганно заморгал глазами.

– Я... конечно... Я... ничего... Я...

– Ну, вот и славно! – «приговорил» я товарища «к соучастию». – Значит, теперь мы можем спокойно исследовать этот документ. Итак, кто тут у нас?

Я и в самом деле уже гораздо... ну, не спокойней: внимательней – прошёлся по каждой фамилии. Список действительно «бил», и не «по дых», а сразу «наповал». Я ещё не «въехал» в то, в какой связи, но в нём оказались все, за малым исключением, «водители» области и областного центра. Здесь присутствовала вся верхушка областной и городской администраций, вся «силовая компонента» от прокуратуры до ФСБ, руководители «экспортно ориентированных предприятий союзного значения», крупнейшие «частники» и вся местная «авторитурка». В плане личного авторитета... точнее: наличия «авторитетов», нам было, чем похвалиться: наследие «проклятого советского прошлого» и проклятого уже без кавычек «дикого капитализма девяностых». Это наследие представляли, аж, сразу три «вора в законе» и столько же «цивилизовавшихся беспредельщиков межобластного масштаба».

– «Ого! – сказал восхищённый Остап. – Полный архив на дому!»

Пока «Новичок» таранился на меня непонимающими глазами, «Важняк» успел с хохотом подключиться:

– «Совершенно полный, – скромно ответил архивариус. —

Я, знаете, на всякий случай...».

Мы ещё немного посмеялись вдвоём – «Новичок» так и не «включился» – и я первым «утёр слезу». От нагрянувших мыслей «за жизнь» смеяться уже почему-то не хотелось.

– Да, запасливый оказался наш главный законник...

– Паук и его паутина, – тоже без усмешки констатировал «Важняк»: понял уже, что «время плакать, и время смеяться». «Время плакать» ещё, слава Богу, не пришло, но смех уже лучше было отставить – до лучших же времён.

– А ты заметил, что часть фамилий зачёркнута?

«Важняк» тут же нырнул глазами в бумажку.

– Действительно...

– Не торопись «выныривать обратно!» – ухмыльнулся я. – Обрати внимание на то, какие это фамилии!

«Важняк» «задержался с возвращением», чтобы распрямиться уже под изумлённый взгляд и простонародное «фью».

– Вот именно! – покачал я головой. – Одна часть этих людей уже снята с должности, вторая находится в СИЗО под следствием. Есть какие-нибудь мысли «по поводу»?

«Важняк» даже не стал задумываться.

– «Сняты с учёта»?

– Хорошо сказано! – хмыкнул я. – Только небольшое уточнение: не они «сняты с учёта», а он «снялся с учёта» у них... Да, похоже, наш «бескорыстный и беззаветный» оставил нам в наследство список «дойных коров». Зачёркнутые фамилии – это, похоже, «бесперспективные», с точки зрения покойника, «кормильцы»... А вот это совсем интересно...

– Что, шеф?

– Ну, и ну!

Я оказался «настолько интриганом», что «Важняк» тут же присоседился своим взглядом к моему.

– Ты только посмотри: наш «авторитет» – в списке «выбывших из строя»!

– «Автандил»?!

Сомнения в голосе «Важняка» оказалось значительно меньше уверенности в обратном.

– Этого не может быть!

– «Он слишком рано нас похоронил»? – в очередной раз сослался я на Высоцкого.

– Вот именно!

– А, если он был уверен в том, что «Автандил» «кончился», или гарантированно «кончится» в ближайшее время?

«Важняк» откровенно растерялся: мужик «понюхал жизни» и знал ей цену, в редакции как «имени себя», так и «областных небожителей».

– Но – «Автандил»?!.. Ум отказывается верить!

Я рассмеялся, и по-свойски хлопнул товарища по плечу.

– Понимаю тебя, дружище. Но это только «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой – в горе, в надежде и радости»! Да и тот, как оказалось, не «всегда»... А наш «Автандил» – не Ленин, а так: переменная величина. Формата «свято место пусто не бывает». И не только для нас, но и для таких хренов, как наш покойничек. А для него – так в первую очередь.

«Важняк» престононародно шмыгнул носом, и прошёлся указательным пальцем по переносице.

– Вы хотите сказать, что прокурор был уверен... ну, в «кончине» «Автандила»?

– И какой следует из этого вывод?

Я ещё раз продемонстрировал верность Холмсу: промежуточные звенья – «по боку»: сразу вывод. «Важняк» прикусил зубами ноготь: фирменная привычка товарища.

– Да, пожалуй, что – не один...

– Ну, ну?

– Первый вывод...

«Важняк» на отечественный манер загнул палец.

– ... Прокурор был в курсе намерений «заинтересованных товарищей» в отношении «Автандила».

– Разумно! Дальше!

– Второе...

«Важняк» «отложил» ещё один палец.

– ... Уже «Автандил» был в курсе того, что прокурор – в курсе...

– «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю»?

– Именно так, шеф! Ну, и главный вывод...

Я тут же «водрузил» указательный палец.

– ... У «Автандила» был мотив для... скажем так: «воздания».

– И я того же мнения!

Согласие с доводами «Важняка» я закрепил солидным шлепком по его плечу.

– Вероятно, наш «борец за личное благосостояние» «встал на учёт» у какого-то другого товарища. А поскольку нет ничего тайного, что не стало бы явным, то «товарищ «Автандил» не остался в неведении. В том числе, и в неведении относительно того, что «за так и прыщ не вскочит».

– ??? – обошёл без голоса «Важняк».

– Прокурора могли «зачислить на довольствие» только за заслуги перед очередным «кормильцем». «Овёс нынче дорог» и авансом его не выдают. А это значит, что он попросту «сдал» «Автандила»: прокурор много, чего любопытного, знал...

Я «притормозил» и хмыкнул:

– ... Думал, что на свою корысть, а оказалось, на свою задницу... Ладно... Подкрепимся ещё немножко пищей духовной.

– ? – в отсутствие мысли поработал бровью «Важняк».

– Как сказал бы товарищ Бывалов: «Пошли по объектам!».

– ??? – ещё раз оказался честным «следак».

– Посмотрим, какую запись сочинила наша красавица о посещении шефа начальником УСБ... и не сочинила ли она её?

– А-а-а! – честно же «сознался» «Важняк».

«Красавица» сочинила... и не сочинила: запись о визите начальника Управления собственной безопасности в книге регистрации посетителей имела. Больше того: девица успела внести и запись о времени «начала визита»: оно пришлось на заключительную пятиминутку рабочего времени.

– Символично! – хмыкнул «Важняк».

– «Пять минут до двенадцати»?

«Важняк» рассмеялся.

– Ну, шеф, с Вами неинтересно разговаривать: всё-то Вы знаете!

– «Бытие мое...»! – хмыкнул я. Не слишком весело хмыкнул. А всё потому, что намёк относился не столько к фразе из знаменитой комедии, сколько к марксову «Бытие определяет сознание». Уж, моё бытие основательно поработало над сознанием!

– Пригласить «тётеньку»? – «догадался» «Важняк».

– И поживее!

Долго искать девицу не пришлось: она предавалась горю в пределах досягаемости. Точнее, в коридоре.

– Когда ушёл начальник УСБ?

Я устал задавать «красивые» вопросы, и поэтому изменил себе. Девица тут же собрала лоб в морщины.

– Так я же говорила, товарищ... то есть...

– Товарищ, товарищ!

– ... товарищ генерал, я ушла, а они вдвоём с прокурором остались. Я же говорила!

– Вы не стали задерживаться?

Девица замешкалась с ответом.

– Ну, иногда шеф просил задержаться... когда приходили нужные люди... то есть, посетители. И я задерживалась. Но на этот раз такой просьбы не было. Мне даже показалось, что вчера шеф «попросил» бы меня, если бы я задержалась.

– Даже так?! «С вещами на выход»?!

Мы с «Важняком» обменялись быстрыми взглядами.

– Да, мне так показалось.

Видя, как глаз девицы всё время «съезжает» на покойника, я из соображений такта... или тактики решил не подвергать её дальнейшим страданиям.

– Ну, что ж: спасибо...

Девица направилась к двери, где и её и застиг «вопрос

на дорожку», он же – «на засыпку»:

– Значит, Вы ушли и больше не возвращались?

Было заметно – даже без бинокля – как секретарша очень постаралась не вздрогнуть. Да и её ответный текст «спиной к нам» тоже был «говорящим».

– Н... нет, не возвращалась...

– Тогда, всего доброго, но мы с Вами ещё встретимся.

Стараясь держать шаг с фасоном, девица вышла за двери, и первое, что я услышал, были слова «Важняка»:

– Врёт, как сивый мерин!

– Я тоже так думаю.

У меня и в самом деле не нашлось оснований для оппозиции. Правда, я их не слишком усердно искал: ведь, кроме оснований, у меня уже не находилось ни времени, ни терпения.

– Поедем к себе: не люблю я думать на ходу. А товарища пусть отгружают: нечего ему загрязнять окружающую среду.

«Важняк» оперативно распорядился – и «вольнонаёмные декабристы» из «суточников» засуетились возле тупа с полиэтиленовым мешком. Да, цивилизация, пусть в такой форме,

затронула и наш городок. «При коммунистах» у нас «этого Запада» не было: «объект» укладывали на любую подходящую по размеру тряпку. Иногда это было одеяло, иногда – плед, редко – ковёр. Чаще всего транспортировали «жмурика» в простыне. И не всегда это делали наши верные «декабристы» из пятнадцатисуточников. Нередко приходилось напрягать и личные мышцы, подрывая, тем самым, здоровье и авторитет.

Оттого-то я всегда терпеть не мог советские детективы, в которых мордороты в белых халатах – на носилках! – загружали покойника в карету «Скорой помощи». В реальной жизни врачи быстро поставили нас на место: «Мы возим живых!». Заодно они так же быстро ставили нас и «на уши»: нам, следователям и «операм», приходилось самостоятельно изыскивать и транспорт, и грузчиков.

Спасибо безотказным участковым: именно на их плечи ложилось тяжкое бремя отлова ни в чём не повинных водителей автомобилей, При этом в работу шли не только бортовые авто, но и самосвалы: «на войне – как...» в жизни, а не в кино. Нюансы из отношений родственников усопшего – и к нам, бессердечным, и к способу транспортировки – игнорировались: поначалу – старательно, затем – равнодушно.

Проводив «рабочим» взглядом чёрный мешок, я повернулся к своим ребятам, изнемогавшим у меня за спиной в ожидании долгожданной команды.

– Домой!

Глава четвёртая (год 1991)

«... Несмотря на фактор «навязчивого сервиса» и «где-то даже принудительной доставки», «Ахмед» встречал нас в своём кабинете. Я не возражал против несущественного «отступления от устава»: за минусом отдельных нюансов, пока ещё мы гостили у товарища, а не он у нас. Обстановка в служебном кабинете владельца «увеселительно-образовательного заведения» «была» и была: в глаза и за край. На дело дурновкусия «Ахмед» не пожалел ни денег, ни буйной фантазии. Товарищ явно не был знаком с хорошим вкусом, зато очень хорошо был знаком с хорошими деньгами.

Это несоответствие позволило ему обустроить кабинет с подходящим .... бесподобием. В этом «смешении жанров» нашлось место и ампиру, и модерну, и даже соцреализму «от девушки с веслом». В итоге, антикварное кресло красного дерева с позолоченными подлокотниками из девятнадцатого века и офисный шкаф из ДСП и наших дней вполне мирно уживались друг с другом. Из кабинета получился музей в духе коммунальной квартиры и басни Сергея Михалкова «Две подруги»: «Вот волос из турецкого дивана, вот лоскуток персидского ковра! А этот нежный пух достали мне вчера – он африканский, он – от Пеликана».

– Прошу, господа.

«Ахмед» одним из первых в области начал культивировать «новое старое» обращение. Хотя обращение «брат» было ему объективно ближе: как он был «братком», так и остался.

– Какое несчастье!

«Ахмед» решил не затягивать с прелюдией из коньяка и «Мальборо», и сразу же перешёл к делу, лишь оформив этот переход выражением сочувствия.

– Мне уже сообщили, но какое несчастье! Какая утрата для...

– ... «деловых кругов» нашей области, – закончил я за докладчика, не забыв проставить голосом кавычки. Разумеется, «Ахмед» их услышал.

– Жаль, дорогой! – покачал он головой.

– Может, хватит уже его жалеть?

«Ахмед» усмехнулся.

– Да я уже – не его... чёрт с ним... или Бог.

– Кого же тогда жаль, или чего?

– «С нами – а не наш». Помните?

Моя бровь сама полезла на лоб: «авторитет» цитировал определение Троцкого Ильичом в пересказе Горького! Уголовник, не только умеющий читать, но и читающий классиков – это или для «Энциклопедии чудес», или для Книги рекордов Гиннеса!

– Не совсем в цель, – определив бровь на место, усмехнулся я. – Я не только не ваш, но и не с вами.

– Вот этого-то и жаль!

«Ахмед» почти обречённо взмахнул руками.

– Потому, что Вы, уважаемый – не чета покойнику. После минуты общения с этим типом, даже без рукопожатия, нужно было полчаса мыть руки с мылом! Я уже не говорю о дезинфекции помещения. А на Вас – ни пятна, ни «крючка». Мы могли бы успешно сотрудничать, к обоюдной выгоде, да Вы не пожелали. Оттого и жаль, что Ваше законное место занимают другие люди: непорядочные.

– Законное место у кормушки? – покривил я лицом. «Ахмед» тоже поморщился и махнул рукой.

– Зачем Вы так? Для Вас... скажем так: доленое участие в СП.

А кормушка – это для скотов, вроде нашего покойника.

– Эх, Вы его приложили! – усмехнулся я. – Какой скоростной переход от «сострадания» к правде жизни! Не очень-то, получается, Вы его любили.

– Совсем не любил.

«Ахмед» уже не улыбался. Выражение его лица моментально стало жёстким и недоброжелательным.

– Но Вас часто видели вместе улыбающимися друг другу?

– А куда мне было деваться?!

Горечь в голосе «Ахмеда» показалась мне на удивление натуральной. Я даже расслышал комбинацию из двух знаков, подтверждающих моё предположение.

– Вы хотите сказать, что...

– Да!

«Ахмед» и не пытался убежать от меня взглядом. Более того, уставился на меня в упор, почти не мигая.

– И Вы прекрасно знаете, что я хочу сказать. Только это Вы мне в вину не поставите!

– А я и не собираюсь, – равнодушно двинул я плечом. Я говорил сейчас искренно: мне даже не пришлось подделывать равнодушие. – Разумеется, Вы – не единственный «такой друг» усопшего. Но это уже – не моя юрисдикция. Я всего лишь расследую убийство.

Потеплевшим взглядом «Ахмед» «поблагодарил» меня за отсутствие тайных умыслов, и тут же приподнял бровь:

– Вы уверены, что это – убийство?

Я вздохнул и развёл руками.

– Всё говорит за это... даже то, что молчит.

«Ахмед» хмыкнул, и покачал головой.

– Занятный Вы человек. Вот я и говорю: «Жаль»... Ну, что ж: я готов ответить на все Ваши вопросы.

Мы разговаривали с «авторитетом» «тет на тет» – даже без посредничества магнитофона – и всё равно я оценил «готовность товарища к сотрудничеству». И всё – по причине времени. Нет, не из-за его недостатка: из-за его перемены. Перемены в духе установки «здесь вам – не тут!». «Вам» – это таким, как я: «голодранцам-законникам». Нам и раньше цена была... мда... а сейчас мы и вовсе стали «бесценными»: никто не давал за нас никакой цены. Даже копейки. Потому наши жизни уже не дотягивали и до уровня «жизнь – копейка». Прокураторские «мандаты» не пугали теперь и бомжей – что, уже было говорить за новых хозяев жизни. Так, что «авторитет», по состоянию на осень девяносто первого, вполне мог «послать» меня, а вместо этого сам пошёл навстречу.

– «Начюст» пришёл «на блядки» «упакованным»?

Я, конечно, «нарывался», но «Ахмед» не стал протестовать против «столь вопиющего искажения сущности культурного заведения». Он лишь усмехнулся, и утвердительно качнул головой.

– А «фамильная драгоценность» была при нём?

– Платиновый перстень с бриллиантами? – покривил щекой «Ахмед». – «Фамильная драгоценность», которую я ему «откатил» месяца три назад? При нём, куда же он без неё? А что, товарища «почистили»?

– Да, вряд ли он «потерял вещь по дороге». «Ты не брал»?

«Ахмед» коротко хохотнул: «расслышал» кавычки из «Ивана Васильевича».

– Слово джентльмена, дорогой!

– Тогда – «вопрос на дорожку». Не возражаете?

– «Сыпьте»!

– Вчера с будущим покойником Вы не пересекались?

– Не чаще, чем со всеми остальными.

Лицо «Ахмеда» искривилось в брезгливой усмешке.

– Не удостоился такой чести.

– Но – хотя бы «по маленькому делу»...

– Заходил, но прокурор мне на глаза не попадался.

– А под руку? – почти невинно блеснул я глазами.

Вместо «полагающегося» отвешивания челюсти «Ахмед» неожиданно проглотил слюну.

– Даже так?!.. То есть, и я – тоже?!..

– Не больше, чем все остальные, – максимально приятно улыбнулся я, частично исполняя установку «я возвращаю Ваш портрет».

– Нет.

«Ахмед» уже взял себя в руки.

– А «их» сынка?

– А его не было в числе приглашённых! – усмехнулся «авторитет»: «возьми меня за рупь, за двадцать!».

Оценив уклончивость ответа: «не было среди приглашённых» – не то же самое, что «не было» – я встал из-за стола. Вместе с лаконичным кивком встал.

– Благодарю Вас. Надеюсь, Вы не будете возражать, если чуть позже мы потревожим Вас для оформления показаний?

«Ахмед» тут же вывесил на лицо почти счастливую улыбку.

– Ну, что Вы – буду рад новой встрече!..

... – А теперь поговорим о самом насущном: о туалете.

«Опера» в унисон хохотнули.

– Я сказал что-то смешное? – художественно поработал я бровью.

Первым отвесил – и подтянул – челюсть начальник УУР.

– А-а, ты – в этом смысле... Извини, Петрович: «позднее зажигание».

– Итак?

Подполковник скосил глаза на дежурного «опера» – и тот оперативно нырнул в папку. Спустя мгновение он уже скользил глазами по исписанному листу бумаги.

– Это – список всех посетителей туалета... если, конечно, так можно сказать.

– А как же ещё можно сказать?! – хмыкнул я. – Сказано, как есть. Меня больше интересует другое: «всех»?

«Опер» принялся старательно прочищать горло.

– Хм... хм... Ну, Петрович, как ты сам понимаешь, видеонаблюдение в туалете не ведётся... Не дожили мы ещё до этого... Вот... Поэтому нам остаётся лишь одно: положиться на добросовестность уборщицы.

– Ну, положиться, кажется, есть на что, – воздал я «информатору». – Ладно: «вспомним всех поимённо...»: «глуши, Гаврила»!

Вряд ли знакомый с первоисточниками – другое поколение – «старлей» робко осклабился.

– Ну, тут у меня... А женщин давать?

В отличие от «старлей», мы с подполковником осклабились совсем даже не робко. Больше того: расхохотались.

– Я что-то не то сказал? – обиделся «старлей».

– Нет, всё нормально.

Взмахом руки я благосклонно «отпустил» товарищу – «не семи пядей», но и не последнему по мозгам.

– Только женщин – не надо. Не думаю, что кто-то из них осмелел настолько, что просочился в мужской туалет, и «завалил» прокурора «на чужой территории». Это у нас ещё блюдут даже бляди. Так, что, давай пока мужиков.

- Понял, – зашуршал бумажками «опер». – Тогда – «рыба гниёт с головы»?
- Логично. Давай – с прокурора.

Словно заправский лектор на трибуне, «опер» дёрнул кадыком, и пополнился воздухом для спича.

- «Объект» вчера отлучался дважды. Но в туалет только раз.
- А первый раз?
- «Старлей» художественно «застеснялся».
- Отлучился с дамой...
- «Облегчённого» поведения?
- Ну, а с какой ещё?!
- «Только раз бывают в жизни встречи», – ухмыльнулся я, – это не для нашего прокурора.

Ну, а что – по второму разу?

- «Опер» почти решительно откашлялся, и тоже «позволил себе» по части ухмылки.
- «Объект», надо сказать, «задержались»: отсутствовал сорок минут, если не больше.

Ну, «так прямо» на часы, естественно, никто не смотрел. Но поскольку он заранее объявил о «маршруте»...

- Гы-гы! – в унисон с подполковником одобрили мы докладчика.
- ... то через эти сорок «с хвостиком» собутыльники... виноват: коллеги по руководству областью – встревожились фактом. Народ отправился на поиски. Но в туалете никого не было. Правда, одна кабинка оказалась закрытой. Стали звать, но «ни «ау», ни отклика на моё «ау». Когда на полу заметили кровь, решились на святотатство – и вынесли дверь. То, что открылось им вместе с дверью, мы уже знаем.

– Мда...

Я в очередной раз «не прочувствовал момент». Ну, в том смысле, что эмоции не смогли не только пробиться сквозь «защитное поле», но и даже «родиться на свет».

- Так, откуда, говоришь, «дровишки»?
- «Старлей» – отдать ему должное – не смутился тем, что «говоришь» – это «ты говоришь».
- Показания всех «членов поисковой группы».
- Они же – посетители туалета врозь?
- Огласить список? – ещё раз выказал адекватность «опер».
- Валяй!

Палец «старлея» по-русски заскользил следом за глазом.

– Из тех, кто может представлять оперативный интерес – по ранжиру – первый заместитель прокурора области, заведующий отделом административных органов облисполкома, начальник областного УВД, директор комбината «Инмаш», директор СП «Инновация»...

«Новичок» помедлил секунду, и решительно почесал затылок:

– ... Ну, и «Ахмед»...

Я легонько пробежался пальцами по столешнице – так, словно разминался перед настоящим забегом.

– А почему ты ограничил список только этими лицами?

У меня в мыслях не было давать неудовольствие, видимо, оно само просочилось в голос. Листок в руках «старлея» завибрировал, так же, как и его голос.

– Ну, как сказать... Дело в том, что... В общем, все остальные лица, так сказать, «заглянувшие в туалет», не кажутся мне... то есть... не показались мне...

– ... «достойными представлять оперативный интерес»?

Мы с подполковником хмыкнули в унисон. «Старлей» порозовел, и заморгал глазами.

- Ну... примерно, так.
- А почему только «примерно»? – и не подумал унять я.

«Опер» пожал плечами.

– С остальными «завсегдатаями»... виноват: «посетителями», наш «объект» по службе пересекался нечасто или не пересекался вообще. Кроме того, я не думаю, что председатель облисполкома – первое лицо области после демонтажа обкома – мог снизойти до прокурора области. Ну, не тот уровень.

Последнее отчасти было правдой. И правдой оно стало задолго до восемнадцатого августа настоящего, тысяча девятьсот девяносто первого года. Всё последнее время партия существовала только в одном качестве: «мальчика для битья». Люди, просчитывающие ситуацию хотя бы на пару шагов вперёд, старательно дистанцировались от обкома, горкомов и райкомов.

Но дистанцировались они только от идейного наследия партии, но не от материального. Имущество партии ещё подлежало разделу между «наследниками». И это было не пресловутое «золото партии», существовавшее только в воображении «зоологических» антикоммунистов: реальное имущество, состоящее на балансе. Для человека «с умом» оно и было «золотом партии». Безыдейные, но оборотистые «вожди» имели все возможности не только для классического обеспечения будущего, но и для обретения много большего, чем стартовый капитал: состояния. В этой цепочке «охотников на чужбинку» посреднические услуги прокурора области могли оказаться востребованными не только «по горизонтали», но и «по вертикали».

Поэтому я не стал бы исключать нашего «губернатора» из числа «подельников», впоследствии «доброжелателей» – но исключительно теоретически. По двум причинам. Первая: у нас уже хватало. Нет, не версий: «высокопоставленных контактов» для нескончаемых головных болей. Вторая: «для полного счастья» не хватало нам ещё связываться с местным «Кремлём»!

И я счёл благоразумным согласиться с доводами подчинённого. Тем более что он ещё раз «пролился бальзамом» на мою истерзанную душу.

– Да и в поле зрения органов чаще других попадали остальные люди из списка. И это мнение уже не моё, а «компетентных товарищей».

Довод выглядел, не ахти, каким «убойным», но я готов был принять версию «опера» и без этого дополнения. Потому что туманное будущее этого дела, и не только его, буквально на глазах становилось беспросветным. Я, конечно, всем сердцу был за установку «Прежде думай о Родине, а потом о себе!», но мозги перечили сердцу. Нужно было подумать и о себе, и не «тоже», а в первую очередь. Обратное «грозило»: делу – положением в стол, мне – положением в гроб. Ведь с нас, «сырых и убогих» советских граждан, за глаза хватало и силовиков, и «авторитетов».

Оставалось только удивляться, как ещё «опер`а» занесли в список своё начальство. Я, конечно, был в курсе глубины неприязни, которую сыщики испытывали к этому штафирке из обкома, но фактор корпоративной солидарности держал в уме. Во всяком случае, я не собирався делать упор на кандидатуре «полковника от КПСС». Как минимум, на первых порах. Так – не рабочая версия, а «помянули всеу». «За компанию с остальными товарищами».

– А сынок?

– Тьфу, ты! – шлёпнул себя по макушке «опер». – Совсем забыл: был сынок!

– И в наличии, и в туалете?

– Точно! – ухмыльнулся «старлей». – Не знаю, приглашали его или нет...

– Не приглашали, – «вклинились мы с «Ахмедом».

– ... но он всё равно припёрся.

– Как вёл себя?

Лицо «старлей» прибавило в ухмылке.

– «Пел не музыкально, скандалил...». Помнишь, Петрович —

у Высоцкого?

– Ну, как же! – почти обиделся я: нашёл, кого экзаменовать, мальчишка! – «В Ленинграде-городе у «Пяти углов», получил по морде Саня Соколов...». Так «сынок» оказался «Саней» по полной программе?

Аккомпанируемый подполковником, «старлей» расхохотался.

– Нет, Петрович: как минимум, в зале морду ему не набили, хотя он и нарывался, и заслуживал.

– Заслуживал, но не заслужил...

Я неопределённо покривил щекой.

– А из всего того, что он заслуживал, было хоть что-нибудь, заслуживающее внимания? Нашего внимания?

– Мальчик «поминали папеньку», – ухмыльнулся «опер».

– Не в смысле «помина души»?

– Нет, в смысле матерных слов. Хотя пожелание «белых тапочек» имело место. Сынок «кричали», что «папенька» – жлоб, отказывает чаду в содержании, а, вот, на шлюх денег не жалеет.

У меня в глазах прояснилось. Наверно, от того, что прояснилось в мозгах.

– Папенька с сынком, часом, не пересеклись в туалете?

Подполковник и «старлей» переглянулись друг с другом. Заинтересованно, так, переглянулись. Компанию им тут же составил майор, замначальника УУР. Мужикам явно понравилось направление моих мыслей: другие мысли вели в те кабинеты, куда нормальный человек и за взятку не сунулся бы.

– Петрович, ты – гений! – первым же обложился руками начальник УУР. – Мы отрабатываем эту версию в первую очередь! Да что, там, «в первую очередь»: прямо сейчас и выезжаем!»...

Глава пятая (наши дни)

– Итак, господа товарищи граждане: пойдём по вехам! «Слово для первого шага» представляется... тебе!

Получив взглядом в грудь, «Важняк» бесцеремонно заглянул в папку «Новичка», «сверил» со своими записями – и решительно откашлялся.

– С чего начать: с приятного или...?

– Один хрен! – решительно определился я с началом.

– Тогда – с приятного: у нас – много всего.

– Ясно: переходи к «или»!

«Важняк» прокис лицом.

– «Или», оно же неприятное: у нас – много всего.

– Философ! – хмыкнул я. – Но давай без этого «единства и борьбы противоположностей».

– Есть, шеф. То, что у нас много всего, это не просто неприятное. Это самое неприятное. Много подозреваемых, много улик... Казалось бы, радоваться надо такому изобилию: сколько макулатуры наберём! – ан, нет! Потому что слишком много. И всё – явно не от одного товарища. Следы однозначно «сборные», и вряд ли «командные». То есть, ведут к разным лицам.

– Неплохо для начала, – неопределённо хмыкнул я: то ли осуждающе, то ли одобрительно, сам не понял. – И какой вывод ты делаешь?

«Важняк» развёл руками в стороны, чтобы тут же «обронить» их.

– Вывод, шеф – единственный: у нас нет «твёрдого подозреваемого». Больше того: пока нет заключения экспертиз, у нас вообще нет подозреваемых.

– Как нет?!

Удивления «Новичка» было неподдельным. И то: как это «нет», когда их – «хоть задницей ешь!». На любой вкус и цвет!

– А что же тогда есть?!

– Только подозрения. Только подозрения в отношении лиц, которых мы не можем пока квалифицировать подозреваемыми.

– А камера наблюдения?! – рванул из кресла «Новичок», но я уже возвращал его на место «самодержавным жестом».

– Так, ребята: не будем горячиться. Я согласен с обоими, но не как Соломон из притчи, а как профессионал, объективно подходящий к оценке доказательств.

Я не кривил душой и не «косил под миротворца». Мне не понравилось заключение «Важняка», но я не мог не согласиться с его доводами. Вместе с тем, я не считал нужным «обсыпаться пеплом»: «Новичок» тоже был прав – и кое-что у нас имелось. Сейчас требовалось проанализировать это «кое-что», систематизировать его и восполнить пробелы. Ну, если не восполнить, то хотя бы определиться с возможностями.

– Что, там, ты говорил насчёт камеры наблюдения? – развернулся я к «Новичку». Тот с места попытался «соблюсти устав».

– Сиди! – поморщился я: никогда не приветствовал «строевой подготовки» в кабинете. Особенно взамен мыслей.

– Камера видеонаблюдения зафиксировала появление вчера в прокуратуре шестерых перспективных фигурантов.

– «Перспективных»?! – хмыкнул «Важняк», обращаясь ко мне «за поддержкой». Но я не «поддержал» товарища: что-то в отчёте

«Новичка» уже проглядывало. Что-то интересное.

– Продолжай. Только прежде уточни: «появление» или «присутствие»?

«Новичок» на короткое время ушёл глазами в сторону: отлучился за мыслью.

– Вы правы, товарищ генерал: секретаршу можно засчитать и туда, и сюда.

– Ты хочешь сказать, что секретарша «не совсем ушла» по окончании рабочего времени?

– Так точно: камера зафиксировала её появление у дверей прокуратуры в восемнадцать тридцать. Это при том, что «в спину» её сняли в восемнадцать ноль пять.

– Ну, я же говорил, врёт! – «попросил прощения» «Важняк».

«Косвенно» попросил, но оппонент понял, и с воодушевлением покосился на меня.

– Ну, а кто ещё «попал в объектив»?

«Новичок» даже не воспользовался шпаргалкой.

– Начальник УСБ, но это мы знали и без камеры, «Автандил», Михаил Огоньков...

– «Миша-китаец»?! – не выдержал «Важняк». И было, отчего: упомянутый товарищ в последнее время упоминался всё больше не в сводках происшествий, а в рубриках светской хроники и деловой жизни. Товарищ явно «переходил в высшую лигу» – и семимильными шагами.

В отличие от «Важняка», я не собирался удивляться появлению «Китайца» в «святилище закона»: в последнее время они с прокурором явно и недвусмысленно выказывали – и больше того, демонстрировали – взаимную симпатию.

– Они-с.

Сухой текст «Новичок» разбавил «неуставной» ухмылкой. «Мальчик рос» на глазах. Я ещё не определился с причиной: или научался на ходу, или раскрывался, как бутон при съёмке рапидом.

– Ну, и «заклучали процессию» сынок и дражайшая супруга.

– Вместе заключали?

– Порознь, товарищ генерал. Все фигуранты...

«Новичок» боязливо покосился на «Важняка», но тот «невозмутимо отсутствовал».

– ... появлялись перед камерой, как актёры в плохом спектакле: друг за другом.

– Пересекались?

Мой интерес был далёк от мажорного: больно много «наворачивалось всякого». «Новичок» выдал физиономией «хрен его знает!» – и не удовлетворился мимикой:

– Чёрт его знает, товарищ генерал... Если сопоставлять время «явления народу», то нет, не появлялись. А в самом «чреве»...

Он ещё раз пожал плечами и виновато опустил глаза.

– Я ещё не все записи посмотрел, товарищ генерал... Но могу твёрдо сказать: кое-кто вышел «чёрным ходом».

– Там установлена камера?!

На этот раз я удивился – и неподдельно: такого «чекизма» от прокурора я не ожидал.

– Так точно, товарищ генерал, – усмехнулся «Новичок». – Честно говоря, я и не думал, что она там есть. Да и «опера» не сразу её нашли. Да и нашли её «методом научного тыка». Никто и не предполагал, что в таком задрипанном учреждении, как прокуратура, установят камеру ещё и «с видом на тылы».

– Товарищ отслеживал перемещения клиентуры?

Я не столько тратился я на догадку, сколько предлагал коллегам присоединиться к «единственно верной точке зрения: моей».

– «Как два пальца...»! – своеобразно «присоединился» «Важняк». Редакция «Новичка» оказалась ближе к литературной:

– Никаких сомнений. «Объект» явно хранил верность установке «Хочу всё знать» – для укорачивания поводка под клиентуру.

На этот раз наши с «Важняком» челюсти отвисли в унисон: вот, тебе, и «Новичок»! Может, это не мы его «держали», а он нас?! То есть, мы его – не за того, а он нас – в неведении... относительно себя?!

– Да, многовато всего наворачивается, – поморщился я сразу, как только подтянул челюсть. – Тут ты прав.

«Важняк» развернул грудь и «преисполнился»: «а я что говорил?!». Пока он пользовался моментом, я занялся столешницей: выстукивал дробь, пытаюсь выстроить мысли в ряд. Но так как это было не в кино, а я не являлся «Шерлоком Ливановым», мысли выстраивались плохо – так, как новобранцы на первом построении. Я не сомневался в причине: нужен был «толчок извне», а им мог стать только акт экспертизы. Любой, хотя бы для первого шага. Потому что при таком «винегрете» из фактов и имён нам оставалось лишь гадать. И хорошо ещё, если на тему выбора из двух зол.

В нашем случае ошибка исключалась: работа сыщика в условиях «дикого капитализма» сродни работе сапёра. У нас даже имелось больше возможностей для «досрочного исхода». Ведь, если упомянутый товарищ ошибался исключительно на минах, то в нашем распоряжении имелись и другие «проводящие на тот свет»: от «Макарова» и «хулигана» с разводным ключом до голодных пастей «акул капитализма».

– Когда эксперты «обещались»?

Ничего более оригинального я наступать не мог, хоть «затупи» пальцы. «Новичок» отёр рукав пиджака, под которым лёгкой позолотой блеснул предмет его гордости: поддельный «Ролекс» за сотню «баксов».

– По пути к Вам, товарищ генерал, я «отзвонился» в морг: труп уже на столе. Но, как Вы сами понимаете, если там и найдётся что-нибудь интересное, то лишь в «биологии».

– Ты уже звонил «биологам»?

– Так точно: заведующая санкционировала мой приезд с образцами тканей.

Я ещё раз потеплел глазами: «Новичок» тоже кое-что показывал «из Холмса». Понял, что мой вопрос – классическое «два в одном», и не стал дожидаться логического продолжения, формата «А ты попросил об одолжении... с банками в руках?».

– Молодец, парень: нам ли привыкать «стоять на коленях»?! «Цель оправдывает средства»! А что – по НТО?

Я ещё и не начал разворот к «Важняку», а тот уже не дождался именных реквизитов.

– Как Вы помните, шеф, в кабинете нашего «подзащитного» были обнаружены два стакана с остатками дорогого коньяка, которым пользуется... пользовался сам «подзащитный»... ещё в бытность прокурором. Для того чтобы установить это, не требовалось услуг биологической экспертизы.

– Сам проверил? – хмыкнул я.

«Важняк» даже не попытался смутиться.

– Но ведь не это – главное, шеф. Главное – в отпечатках.

– И что, там, в них?

Визави немедленно преисполнился загадочности.

– Результаты по одному стакану уже известны, шеф.

– Отпечатки пальчиков «объекта»?

– Да.

– А по второму стакану?

Не изменяя загадочности на лице, «Важняк» старательно откашлялся.

– Не набивай цену! – «поощрил» я.

– Хм... хм...

– Ну, понятно, понятно!

Лицо «Важняка» обзавелось укусным выражением.

– Не интересно с Вами, шеф... Я уже говорил это, и готов тысячу раз повторить... Да, на втором стакане – отпечатки пальцев девицы... если Вы на это намекаете...

– Я намекаю?! – хмыкнул я.

«Важняк» немедленно «задрал лапки кверху».

– Виноват, шеф... Да, конечно, чьи ещё отпечатки и можно было ожидать? «УСБ» и «Автандил» как-то не слишком «монтируются» с коньяком в служебной обстановке. «На природе» – это да. А девица в этом контексте была столь же органична, как и в контексте дивана в кабинете шефа. Ещё раз: «миль пардон», шеф.

В ответ на «чистосердечное признание» я скорчил такую же «чистосердечную рожу».

– И в мыслях не было, приятель!.. Напротив: молодец, что заранее побеспокоился.

Лицо «Важняка» поплыло от удовольствия: ласковое слово и кошке приятно.

– Да, шеф: я не из сострадания подавал девице стакан с водой, когда она тут «разрюмзалась». Не из сострадания, но и не от большого ума: надо было сходу отработать «близлежащую версию».

– Вовремя сориентировался, – одобрил я «Важняка» хлопком по плечу. – Девица, конечно, «принимала участие». Вопрос лишь – в чём? Во всяком случае, знает она гораздо больше, чем говорит. Я не утверждаю, что она причастна к большему, чем совместное распитие коньяка, но сам факт распития неслучаен. Наверняка, повод был серьёзней обычной прелюдии к «траху».

Отрабатывая «немножко Юлием Цезарем», я заметил, что «Новичок» уже начинает беспокойно ёрзать задом по креслу.

– Не терпится полюбоваться трупом? – не слишком потратился я на догадку.

«Мальчонка» в ответ якобы смущённо развёл руками.

– Ладно, поезжай. В морге не задерживайся. И продублируй заведующей мою просьбу. Я уже звонил, но ты «поклонись» лично. И не в связи с угрозой амнезии: тётке будет приятно не только «услышать меня на коленях», но и увидеть. Ты заменишь меня «у её ног».

Я не преувеличивал значимость личной просьбы, и не по причине генеральской звезды. Некогда – не так, уж, и давно – тётенька сватала за меня свою дочку. Несмотря на внешние данные, годами дочка была «в половине от меня» – и я не стал уподобляться педофилу. С тех пор уже изрядно «прошло» и «утекло». Дочка «вышла» и «обратно зашла» по второму разу – и маменька с новой силой «возобновили» домогательства в мой адрес.

Не думаю, что случилось это по причине «старой любви», которая «не ржавеет». Её и прежде не наблюдалось – и с обеих сторон. Меня всего лишь «рассматривали в перспективе». Ну, а теперь, вероятно, маменька на пару с дочкой решили, что я «дозрел». То есть, что у меня «черпать – не исчерпать». А у меня, тем временем, всех достоинств – помимо генеральской звезды на погонах – было очередное холостяцкое положение: я развёлся в третий раз. Я давно уже не был, хотя и никогда не был, «гламурным мальчиком», но на три брака и дюжину внебрачных (они же гражданские) контактов сподобился. Потому, что, как сказал один товарищ: «Житие мое!...». А другой товарищ выразился ещё точнее:

«Не властны мы в самих себе,

И в молодые наши леты,

Даём поспешные обеты,

Смешные, может быть, всевидящей судьбе».

Это «мы с ним» – на тему клятв и признаний, как своих, так и получателя.

– Да, и не забудь!

Я взглядом «ухватился за полу рванувшего «Новичка».

– За тобой результат по окурку и смывам с лица трупа.

– Виноват, товарищ генерал: не за мной – за экспертом.

– За тобой!

Указательный палец, который я воздел над головой, сработал не хуже лезвия ножа гильотины в крайнем верхнем положении, когда, не ровён час, упадёт. «Мальчонка» покраснел, и забормотал слова извинения из традиционного набора. И ведь – за дело! То же, мне, сказал: «за экспертом»! Нет, приятель: за тобой! Потому что эксперту – в отличие от нас – спешить некуда! Опять же в отличие от нас, у него нет «патологической» заинтересованности в раскрытии убийства. Его дело – «петушиное: прокукарекал – а там, хоть не рассветай»!

– Понял, товарищ генерал...

– Вот это – другое дело. Жду тебя – разумеется, «со щитом» – через...

Я скосил глаза на настенные кварцевые часы советской эпохи – и «те, и «другие» не от жадности, а от верности «совку в себе».

– ... три часа. Ну, а ты...

Я уже разворачивался в сторону «Важняка».

– ... разрабатывай девицу. Прибытие – «в унисон»! Всё: разбежались...

Глава шестая (год 1991)

«Я не сомневался в слове начальника УУР: не первый год знал этого человека. Да как знал: в экстремальных условиях заката перестройки! Поэтому я и не удивился, когда к шести вечера они втроем – компанию ему составили майор и старлей – появились у меня в кабинете. Четвёртым, а заодно пятым и шестым, были улыбки на их лицах. Мажорные, такие, улыбки.

– Вижу, вижу! – одобрительно хмыкнул я. И не только потому, что понял: есть улов, но и потому, что уважил товарищей... уваживших меня. Ни подполковник, ни майор не кичились своим «областным» положением. Не скажу за других, но передо мной – ни намёком. Поэтому и были мы друг с другом даже не по именам – по отчествам. Один лишь старлей выпал из дружных рядов – по причине возраста, незначительного стажа «копошения в грязи» и малого количества совместно распитой водки.

– Правильно видишь, Петрович! – расширил формат улыбки подполковник.

– Ну, тогда – «колись», Палыч!

– Есть: мы – прямо от сынка!

– Какая неожиданность!

Кривизна моей щеки вышла качественной, но успеха не имела.

– Не торопись издеваться, Петрович!

«Занятый энтузиазмом», «опер» и не подумал обижаться даже в шутку.

– По дороге мы заскочили в туалет...

Он тут же прикусил язык, и с надеждой посмотрел на меня: «зацеплюсь» или нет? Но я благородно возложил ему не «сапог на спину», а длань на плечо.

– Палыч, я понял: вы заглянули туда не по личной «нужде», а по производственной. Интересовались вчерашним заходом сынка?

– Хвала твоим мозгам, Петрович! – хмыкнул подполковник. – Ты, как всегда, прав: мы «навещали» бабу Надю... Ну, уборщицу.

– И?

Подполковник ослабился.

– Сынок, оказывается, заходили!

– И, наверняка, громко?

– Угадал!

Лицо подполковника «улыбнулось», едва ли не в духе Листа в переложении Ильфа и Петрова: «Быстро! Ещё Быстрее! Быстро, как только можно! И ещё быстрее!».

– Сынок «шумнули» так, что слышали даже в зале! Впрочем, там он и начинал. Это уже потом он переключился на сортир. Кстати, по словам бабы Нади, в туалете сынок «оказались» следом за папенькой.

– Отслеживал передвижения?

– Похоже на то. В любом случае, папеньку сынок начал «критиковать», едва тот пристроился «на очке».

– Баба Надя? – «феноменально догадался» я.

– Они-с!

– А что – по поводу возвращения?

Я и не думал намекать подполковнику на недоработку. Но и «мент» оказался адекватен: «пуд соли» – на то он и «пуд соли».

– Опросили всех «небожителей», Петрович. Все в один голос клянутся и божатся, что в коллектив вернулись все... кроме сынка, который и не являлся «членом коллектива». А баба Надя показала, что сынок вывалился из дверей заведения под буквой «М» «в жопу пьяным» – цитирую первоисточник – сел в папину «Волгу», и укатил.

– Не рулевым, надеюсь?

– Нет: пассажиром. Кстати, охранник, дежуривший в тот вечер, подтвердил слова бабы Нади в части отбытия «наследника».

Я покосился на подполковника. Хорошо, так, покосился: с ухмылкой и иронией. На мгновение «опер» даже нырнул глазами в район гульфика, но там они пребывали только до моего текста.

– Ладно, Палыч. Как говорил великий комбинатор, «считайте серенаду законченной. Утихли балалайки, гусли и позолоченные арфы. Я пришёл к вам как юридическое лицо к юридическому лицу».

– Ладно так ладно, – несколько разочарованно откашлялся подполковник, уже возвернувший глаза на место. – Не хочешь серенады – прими голые факты.

– Принимаю.

– Мы побывали у сына, и он произвёл на нас благоприятное впечатление.

– Кто-то, кажется, обещал – без серенады? – хмыкнул я.

– Хорошо: вместе с сыном мы обнаружили и его рубашку. А вместе с ней, точнее, на ней – и «пятна бурого цвета, похожие на кровь».

Подполковник словно забыл, что только что «отставил», и снова ухмыльнулся.

– Ну, ты же знаешь меня!

– Это ты – к тому, что «пятна бурого цвета» уже перестали быть «похожими на кровь»? НачУУР «огорчённо» хлопнул себя по ляжкам.

– Ну, вот и поговори с этим человеком!.. Ладно: сдаюсь.

– «Биология» дала заключение?

– Ну, я попросил тетеньку...

– Кровь – «от нашего подзащитного»?

– Да!

Подполковник самодовольно шмыгнул носом, и подмигнул мне с видом неисправимого заговорщика.

– Но это не всё.

– Верёвка?

– Тьфу, ты!

«Опер» крикнул от огорчения, вскочил на ноги, и заходил кругами.

– Ну, до чего же ты скучный человек, Петрович! Хоть раз бы позволил чуду свершиться!

Нет: всё-то он знает, всё планирует, всё предвидит, ничем его не удивишь!

Выпустив пар, он двинул на меня грудь, как на амбразуру.

– Ну, да: на верёвке, на которой упокоился наш клиент – кровь сыночка! Кстати, сыночек и недолго упирался.

– На «биологии» ты побывал до randevu с сыночком?

– Ну, а то! – ещё раз «самодовольствовался» подполковник. – Исключительно для того, чтобы составить с клиентом разговор предметный, а не «вообще».

– И?

– Сынок показал, что оцарапал большой палец левой руки об осколок метлахской плитки в туалете.

Я вспомнил: что-то «бурое, похожее на кровь», эксперт соскоблил с уголка плитки.

– Подтвердилось?

– На все сто!

– И «пальчик» на плитке – тоже сына?

– А то, чей же?!

– А сынок, разумеется, сказал, что хотел помочь папе – и от излишнего усердия брякнулся на пол?

– Петрович, я тебя убью! – взмолился подполковник. – Отнимаешь хлеб у убогого!

Я тут же «задрал лапки вверх»: «или мы изверги, какие?!»

– Ладно, убогий, «ешь свой хлеб» – я молчу в тряпку!

– Приступаю к «поеданию!» – ухмыльнулся «опер». – Как ты думаешь, что мы обнаружили в кармане пиджака сыночка?

Он с таким энтузиазмом принялся объедать меня глазами, что мне тут же захотелось отказаться от своего обещания. И я так бы и поступил, если бы визави по моему лицу не догадался о своей промашке и моём намерении.

– Кастет, Петрович! А на нём – кровь!

– Потерпевшего?

– Нет – «Пушкина, Александра Семёныча»!

В этот момент я испытал двойственные чувства. С одной стороны, «козёл отпущения» был найден. Хороший, такой, «козёл» – весь в уликах и безнадёге. Можно было со спокойной – или относительно таковой – совестью рапортовать о раскрытии преступления по горячим следам. Глядишь, и на сотню рублей премиальных начальство расщедрилось бы. И всё бы ничего, если бы не классическое «но»: другая сторона, при взгляде с которой бесспорный убийца уже не выглядел бесспорным. «Другую сторону» представляли улики, которые совсем не укладывались – или укладывались «не совсем» – в такую хорошую версию. В такую хорошую для всех, кроме сынка.

Вероятно, начУУР почувствовал отсутствие во мне энтузиазма в должном объеме, и перестал испускать сияние.

– Не понял тебя, Петрович...

– А я не понял тебя, Палыч! Разве кровь на рубашке и верёвке – единственный наш «урожай»?!

Подполковник нахмурился и ушёл взглядом в сторону. Голос его зазвучал не столько раздражённо, сколько укоризненно.

– Петрович, ты как будто первый день на свет народился...

Намёк был... вовсе не намёк. Сермяжная правда жизни, как говорил Васисуалий Лоханкин, заключалась в том, что... правдой она была сермяжной. По большому счёту, да и по маленькому тоже, я не имел морального права становиться в позу морализатора, гуманиста и поборника разнообразных прав. А всё потому, что, как сказал один товарищ: «Невозможно прожить на Земле, и ничем не запачкаться». Я запачкался, пусть даже подполковник и его коллеги считали, что запачкался я исключительно правдой жизни.

Но очень суровой была эта правда жизни. Не для меня – для тех, кому она адресовалась. Для конечного потребителя, то есть.

Для «добровольцев», не всегда сознательных, на которых мы «вешали» (или «перевешивали») дела, уже состоявшиеся или грозившие состояться «висаками». Происходило это по причине широкого открытия глаз на одни вещи и полного их закрытия на другие.

Причин такого «разноглазия» было много: требования начальства, «требование служебного долга», «честь мундира», «социалистические обязательства», «понимание момента», а нередко – и «своего места в жизни». Она – жизнь – научила нас тому, к кому можно примеривать закон, а к кому нет. «Держи хвост пистолетом!» – не наш лозунг. «Держи ушки на макушке!» – ближе к истине. Из того же ряда и установка «Нормальные герои всегда идут в обход!»

Не дождавшись ответа, подполковник «зашёл на второй круг».

– Петрович, ну ты же не с Луны свалился!

Вот теперь я вздохнул и даже скрипнул зубами.

– Нет, Палыч, я – тутошний... Но только «здесь вам —

не тут!»... Слишком много наворочено всякой всячины, чтобы дело прошло в суде хотя бы «со скрипом».

Подполковник от огорчения даже хлопнул себя по ляжке.

– Ну, ты же сам говорил!

– Говорил! И правильно говорил!

Ляжечный хлопок меня не смутил, равно как и мелодраматические интонации в голосе «мента».

– Сынок у нас – «икона» для проверяющих! Вот, если бы не было у нас с тобой ни души, нас бы живо «определили в позицию»! А так – «нате вам, но есть нестыковки»! И все их – под нос чинушам!

Я перегнулся через стол, и похлопал по плечу скрежещущего зубами, но уже «находящегося в пути» «опера».

– Палыч, ты не подумай, что я заделался гуманистом. Я бы этого сынка, как говорится, «с нашим удовольствием». Но ведь «проколемся»! Голову на отсечение: «проколемся»! И вызыщут не с чьих-то задниц: с наших с тобой! Да, мы с тобой не раз «правильно ориентировали судей». Но тогда удавалось «отсекать хвосты»! А здесь дерьмо лезет из всех щелей! И подчистить невозможно: только отрабатывать источники!

Подполковник вздохнул и поднял на меня усталый взгляд умных глаз. Это был взгляд умных глаз человека, потёршегося в жизни и потёртого жизнью.

– Петрович, я что, сам не понимаю, что ли? Неужели я не соображу, что значит для нас записная книжка с вырванными страницами, с отпечатками на ней, или пуговица?! Неужели я не понимаю, что всё это – не с сынка?!.. Хотя пуговицу можно «пришить» к любому клиенту...

– Но книжку не «пришьёшь»?

НачУУР вздохнул и развёл руками.

– Кстати, насчёт книжки... Петрович, я понимаю, что всё это значит. А ты?! Ты понимаешь, куда ты лезешь?

Не знаю, рассчитывал ли подполковник на моё потрясение, но я не потрясся, а, напротив, отдерзился в свою очередь.

– Значит, ты согласен с тем, что в книжке побывал не сынок?

– Разумеется!

Попытавшуюся образоваться паузу я тут же приговорил вопросом «с фланга» – тот сам «выдвинулся»:

– Перстня у сынка, часом, не нашли?

Только что «убитый правдой жизни», подполковник осклабился.

– Часом – нет, хотя искали больше часа.

Ухмылка не задержалась на лице «опера». И не только потому, что я поспособствовал этому. В куда большей степени этому порадела «правда жизни».

– Ладно, Петрович, «вернёмся к нашим баранам». Сразу – чтобы ты меня верно понял: у меня – семья. Жена и двое детей. И «старики» пока живы. А время на дворе, сам видишь, какое. Кто о них позаботится в случае чего? Государство? Какое? Союз? Так он «крякнет» со дня на день! А то, что придёт на его место, вряд ли будет лучше. Хотя, мне любопытно, что придёт взамен. И если меня сейчас «грохнут», как я смогу удовлетворить своё любопытство?

Подполковник обошёл стол кругом, и сел рядом. Обнял меня за плечи.

– Петрович, мы с тобой уже три года в одной упряжке. За это время две трети личного состава в твоей конторе и половина в моей «слиняла». А мы с тобой держимся, как ржавые гвозди в доске. Я видел тебя в разных ситуациях – и ни разу ты не скурвился. Поэтому мне нет смысла кривить перед тобой душой: да, я не трус... но я боюсь. И тебе надо бы. Хотя тебе проще: ты – один. Но ведь и жизнь у тебя – тоже одна.

«Опер» едва не приклеился губами к моему уху.

– Петрович, ну, чего «городить огород»?! Или я не знаю, какой ты мастер «шлифовать дела»?!

– Двусмысленный комплимент! – хмыкнул я.

Подполковник немедленно обложиля руками.

– И в мыслях не было, Петрович! Никто не сомневается в том, что ты – лучший «следак» области! Я ведь – в хорошем смысле! Ну, в смысле того, что ты умеешь отсекать «крючки» для крюкотворов.

– Это – «крючки»?! – не поскупился я на оба знака. Но «мент» и не подумал вдаваться в дискуссию.

– Петрович, не погуби!

Не требовалось никакого анализа – ни голоса, ни взгляда – чтобы понять: мольба шла из души, от сердца. Я даже заметил, как под дрогнувший голос в глазах подполковника блеснули «неуставные» слёзы. Мужик не просил: умолял. И не для «галочки в отчёте»: «ради жизни на Земле». И не какой-нибудь, там, абстрактной: своей и своих детей.

– Петрович, неужели тебе жаль это дерьмо? Это ведь не человек! И, чем дальше, тем больше... в смысле: тем меньше в нём будет человека! Он уже сейчас загрязняет природу, а что будет, если мы ему «отпустим»?! Это же – новейшая редакция папеньки-скота!

Текст заключился «морально-психологической обработкой меня» из глаз, блестящих надеждой и верой в собственную правоту.

– Фу-у! – выдохнул я, обрабатывая ладонью подбородок. Вздыхнул характерный: «и хочется, и колется, и мама не велит». Классическая сермяжная правда в словах подполковника непросто имелась: изобиловала собой. Мне действительно нисколько не было жаль подонка-сынка. И я не сомневался в том, что, отпусти мы ему сейчас, он нам «воздаст сторицей», да так, что мало не покажется. И при других обстоятельствах я ничего не имел бы против «навешивания» на него «всего наличного имущества». Больше того, я не только пошёл бы навстречу «пожеланиям трудящихся», но и сам озвучил бы их.

Вероятно, подполковник уловил перемену моего настроения – и немедленно активизировался. Нет, заботясь исключительно о себе, он не превратился в классического «змия-искусителя». Но на характер его усердия это малозначительное обстоятельство не повлияло.

– Давай так, Петрович: мы отработываем сынка «по полной», «раскручиваем» его на всю катушку – и сдаём его тебе с чистосердечным признанием! Даже – с явкой с повинной, даром, что тремя днями спустя! А тебе останется лишь «принять дар» и «подчистить хвосты»! А, Петрович?

Меня заманивали, и это было заманчиво. И я позволил бы себя заманить, кабы не одно «но»: жизнь научила меня оставлять аварийный выход. Мордой в самоё себя научила. Пришлось мне с сожалением вздохнуть.

– Пальч, я согласен с большинством твоих доводов «служебного характера». И личный мотив тоже мне понятен. Ты прав: мы с тобой знаем друг друга, по нынешним паскудным временам, уже очень долго. Поэтому я скажу тебе прямо: я согласен арестовать сынка. Санкцию прокурора на постановление я гарантирую. Больше того: я готов предъявить ему «первичное» обвинение.

Подполковник, затаив дыхание выслушивавший мой «отклик», напрягся в ожидании непрямого «но». И не напрасно.

– Но...

Я не стал нарушать традицию.

– ... мы продолжим работу по всем уликам. Я не буду «душить» тебя: рассчитываю исключительно на твою порядочность и нашу дружбу.

Насчёт «дружбы», я, конечно, «заливал», но водки вместе было выпито изрядно. По нынешним временам – и по всем предыдущим – это обстоятельство вполне сходило за эквивалент дружбы.

– Если же ты надумаешь «свалить», то вольному воля. Не ссы: я подпишу тебе ОРД как раскрытое. Но – ещё раз: мы «копаем» дальше.

От моих слов подполковник болезненно поморщился, и некоторое время молча сопел. Потом махнул рукой. Обречённо, так. Со знанием... нет, не дела: меня.

– А если мы «копнём» слишком глубоко?

Такая редакция согласия меня вполне устраивала – и я усмехнулся.

– Не бойсь, Палыч: ни себе, ни тебе я могилу рыть не собираюсь. Если, «копая», мы дойдём «до верхов», вот тебе моё слово: всё похериваем, и «ставим крест» на сынке! За качество можешь не сомневаться: «фирма веников не вяжет»! Лады?

«Опер» даже не стал задумываться – шлёпнул своей ладонью о мою:

– Лады!..».

Глава седьмая (наши дни)

– Разрешите, товарищ генерал?

В дверь без стука просунулась голова «Новичка». Я покосился на настенные часы.

– Быстро ты... Ну, входи.

«Новичок» не понял моего «быстро ты»: одобряю или осуждаю – и в кабинет вошёл с меньшим энтузиазмом, чем просачивался.

– Садись: в ногах правды нет... Хотя сегодня её нигде нет...

Надеюсь, ты с доброй вестью? А то, знаешь, как в старину поступали с гонцами «неправильной ориентации»?

Лицо «Новичка» тут же исполнилось понимания: белое с красным. Папку он открывал рукой, заметно дрожащей, хотя, может, и по другой причине.

– Это – ещё не заключение, товарищ генерал... То есть, я хотел сказать, что это – ещё не официальное заключение, а так: набросок со слов эксперта. Но он клянётся и божится, что с официальной бумажкой этот текст не разойдётся даже в запястьях!

– С предисловием ясно, – усмехнулся я. – Переходи к сути.

– Слушаюсь. Так, вот: труп в морге «сдал» на анализы кровь и мочу.

– Хорошо! – одобрил я, и не только факт «сдачи», но и формулировку. Чем больше я узнавал «Новичка», тем больше он мне нравился. Конечно, парень ещё не дошёл до нужной кондиции, но был на верном пути.

– С ними, а также с прочей «требухой», я и отправился к экспертам. Благодаря Вашей протекции, товарищ генерал...

Я благодарно улыбнулся... в адрес заведующей, не оставившей без внимания не только меня, но и мою просьбу.

– ... «биологи» отставили все дела и занялись нашим. Сами понимаете, товарищ генерал, когда «а, ну-ка, девушки, а ну, красавицы!», результат неизбежен.

– В крови и моче трупа обнаружены следы нервнопаралитического газа?

– В крови и моче трупа обнаружены следы нервнопаралитического газа, товарищ генерал!

– «Черёмуха»?

– Никак нет, товарищ генерал.

– «Гражданский аналог»?

– Не-а!

Под «неуставную» «не-а» «Новичок» позволил себе ещё и «неуставную» улыбку.

– Баллончики с таким газом не продаются без разрешения, наравне с травматическим оружием. Угадайте с трёх раз, товарищ генерал!

За такое забвение «устава» хотел я ему «угадать по-генеральски», но своевременно вспомнил, что «мы – мирные люди...».

– Спецсредство?

– Оно самое, товарищ генерал.

– И?

Многозначительным взглядом я пригласил сыщика к ответу, и тот «не задержался в дороге».

– Так точно, товарищ генерал: у секретарши был такой баллончик.

– Был?

– Да, был. Это показали её товарки по приёмной, уборщица...

и ещё один товарищ, который лично отпустил ей товар.

– И куда дёлся этот товар?

«Мальчонка» улыбнулся.

– «Жив-здоров»: обнаружен лично мной в окрестностях прокуратуры. Точнее: в кустах при выходе с заднего «кирильца».

– Ещё скажи что-нибудь про отпечатки! – хмыкнул я. Такое бодрое начало было слишком хорошим для иной реакции, и я не верил в чудеса.

– Обязательно скажу! – «не остался в долгу» «Новичок». – Баллончик я сразу же передал Семёнычу... ну, эксперту из НТО.

– И?

Улыбка «Новичка» прибавила в размерах.

– «Они самые-с и есть-с», товарищ генерал!

– Неплохо.

Вопреки заявлению, я и не спешил преисполняться энтузиазма. Не по причине скверного характера, и не в порядке назидания молодому следователю: что-то не позволило мне отдаться радости без возражений. Скорее всего – мысли. «Неправильные» мысли вчерашнего оптимиста, неоднократно подправленные реалиями бытия.

– Да, неплохо. Но это ещё не состав преступления. Конечно, при желании можно «развернуть», но... У тебя есть такое желание?

– У меня есть желание докопаться до истины! – выкатил грудь «Новичок».

– Даже, рискуя закопать себя?!

Грудь «Новичка» закатилась обратно.

– Виноват, товарищ генерал...

Парень умнел на глазах.

– Ничего, ничего... А что – по сигаретам?

«Новичок» вновь отказался от услуг «суфлёра»: вероятно, зубрил всю дорогу назад.

– Сигареты марки «Давидофф» курил не покойный, товарищ генерал.

– Ну, на «открытие Америки» это не тянет.

Под эту фразу мне не было нужды хмыкать: прокурор не курил. И не только сигареты «Давидофф»: вообще. Из тех, кто «в наш тесный круг не каждый попадал», сигареты этой марки курил только один человек: «Автандил». Я, конечно, не знакомился с содержимым пепельницы из кабинета прокурора, но в этом и не было необходимости: все остальные «сильные мира сего» либо не курили вовсе, либо курили «Мальборо». Почему-то всегда – «Мальборо». Может, потому, что в сознании этих «детей социализма» «Мальборо» являлось воплощением мечты о капиталистическом рае? Так сказать, визитная карточка? Чёрт его знает, но дело обстояло именно так: не «Данхилл», не «Лаки страйк», не «Честерфильд» – только «Мальборо». Всегда – «Мальборо». «Автандил» в единственном числе выпадал «из дружных рядов»: мужичок был с претензиями на оригинальность.

– Но, если не покойный – то кто? Не по свидетельским показаниям, не по нашим предположениям: по заключению экспертизы?

– Заключение экспертизы имеется, товарищ генерал!

– Сравнительной?

«Новичок» добавил стеснительности в улыбку – и не «по уставу», а от души.

– Видите ли, товарищ генерал... Я, конечно, «не заскочил по дороге» за образцом к товарищу прокурору... Но уборщица, материально заинтересованная мной...

Он художественно поработал бровями: вылитый я!

– ... предъявила мне «заныканную» пачку «Давидофф», не только уже початую, но и с «початой» сигаретой. Со слов бабульки, эта пачка осталась на «гостевом столике»...

– Т-образная приставка?

– Так точно. Так, вот: пачка «задержалась» там после одного визита недельной давности. Правда, «задержалась» она там ненадолго: бережливая старушка «заныкала» не только пачку, но и ополовиненный «бычок». По её словам, хотела побаловать внучка «господским куревом».

«Новичок» сделал наглуемую паузу, в продолжение которой осмелился даже «щипнуть» меня интригующим взглядом.

– «После одного визита недельной давности»? – сразу же вычленил я главное звено. – «Аркадий, не говори красиво!».

«Новичок» улыбнулся: не исключено, что он был знаком с «Вишнёвым садом» Чехова. Да и то, чего не бывает «в биологии»!

– «Автандил», товарищ генерал. И ещё: по словам уборщицы, она «в дырочку» видела, как «вчера этот чёрный дымил, как паровоз». Текст – от первоисточника.

Если «Новичок» ожидал от меня приступа восхищения, то напрасно. Я без труда воздержался и от неуместного энтузиазма, и от вполне уместной паузы. И не в порядке назидания: «от жизни такой».

– И что, ты уже готов сделать вывод?

Я не ошибся с реакцией: мои слова пролились освещающим душем. «Новичок» перестал улыбаться и ждать «конфетки». В следующий – от кончины ожидания – момент он уже растерянно пожимал плечами. Но «политического мужества» на «чистосердечное признание» у него хватило.

– Нет, товарищ генерал: не готов.

– Почему?

Визави ещё раз дёрнул плечом.

– Слишком много всякого... Одно противоречит другому...

– Противоречит?!

Лицо «Новичка» прибавило в смущении.

– Согласен: не сообразуется. Мне почему-то не верится в коллективный умысел. Ну, то есть, в согласованность действий секретарши и «Автандила». Не просматривается ничего общего. Ничего не связывает этих людей. Люди типа «Автандила» пересекаются с людьми типа этой девицы только в приёмных, и то через «забор».

Поощряя творческое начало в своих подчинённых, я всегда снисходил к трезвомыслию и скепсису. Снизошёл я и на этот раз.

– Рад, что ты не впал в эйфорию. Но и для «обратного впадения» оснований тоже нет. Кое-что мы уже надыбали. Во всяком случае, тупика я не вижу, потому что вполне просматриваются направления поиска. Другой вопрос, что их – не одно...

Я прихватил зубами губу, и «отлучился» за окно.

– Да и насчёт отсутствия согласованности я бы не стал торопиться с выводами. Разумеется, я не говорю о заговоре: «Автандил» и девица» – это даже не смешно. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань!». Только в романе «галантерейщик и кардинал – это сила!». Хотя момент совпадения не исключён...

Челюсть визави непритворно отвисла.

– «Момент совпадения»?!

– Да. Именно в такой редакции, дружище. Согласованных действий не просматривается, тут ты прав, но разве так, уж, исключён «фактор наложения»?

Взгляд «Новичка» прояснился.

– Чёрт возьми!..

– Вот именно, парень. У товарищей... у каждого из товарищей, и не только этих...

– ???

– Да-да! Так, вот: у каждого из товарищей мог быть свой мотив, направленный на достижение общего для всех результата. Заметь себе: самостоятельно направленный и самостоятельно же реализованный.

В этот момент дверь в кабинет распахнулась, и на пороге не только без «Разрешите?», но и без «Здравствуйте!» появился «Важняк».

– «Как всегда, говорите не о том, о ком нужно!» – на ходу процитировал он.

– «А зачем же военной контрразведке так грубо совать свой нос в чужие дела?!» – не остался я в долгу.

Мы лаконично посмеялись – «в отсутствие» «Новичка»: представитель молодого поколения явно не был знаком с классикой советского шпионского детектива, сценку из которого мы и разыграли сейчас.

– И? – не ограничился я движением брови.

Занятый устройством задницы в кресле, «Важняк» ответил не сразу. Это не только не помешало, но и позволило мне сделать вывод: распустил я своих подчинённых. Тем более что «Важняк» не замедлил соответствовать выводу.

– А что «И?», товарищ генерал? Как сказал один товарищ, «а у нас плохо не бывает»!

– А, вот, и бывает! – многообещающе поводит я глазами. – Может быть – в порядке исключения.

«Важняк» демонстративно «смутился».

– Виноват, шеф...

– Давно бы так! «Накопал»?

– Так точно!

– И?

Лицо «Важняка» расплылось до ушей.

– Девица – не только «с прошлым», но и «с настоящим»!

– И что, там, насчёт «скелетов» и «червей»?

Тут «Важняк» превзошёл Листа, не говоря уже о Корейко и Бендере.

– Девица – «сплошной скелет», и шкафа не требуется! А «червяков» – хоть на рыбалку отправляйся!

– Выкладывай всё: и «скелет», и «червяков»!

Словно заправский бенефициант, «Важняк» умело выдержал паузу. И лишь стимулированный моим «огнедышащим» взглядом, он включил звук:

– Ну, о том, что «пальчик» на бокале – девицы, мой коллега, полагаю, уже поставил Вас в известность?

– Уже стою в ней, – хмыкнул я. – Не тяни!

«Важняк» немедленно исполнил «Хэндэ хох!».

– Всё понял, шеф. Итак, о девице. До поступления на работу в областную прокуратуру девушка – уже тогда не девушка – работала... в прокуратуре города. Трудилась она в смежных профессиях: секретарши и «по совместительству» любовницы городского прокурора. Угадайте с трёх раз...

– Не надо! – поморщился я. – Чего бы мы стоили, если бы не знали «этапы большого пути» нашего «героического» прокурора!

На этот раз «Важняк» смутился почти по-настоящему.

– Извините, шеф... Да, наш «клиент» тогда «окормлялся» только городскими «донорами»... Да, так вот, о девице. Видимо, настолько хороша оказалась она в постели, каковую заменял диван в комнате отдыха прокурора, что тот устроил её в юридический институт, на вечерний факультет.

– Подложил под декана?

«Важняк» ухмыльнулся.

– Нет, шеф, даже этого не потребовалось. Указание декану вечернего факультета «дали лично» ректор, которого прокурор, неглупый уже тогда мужик, умело «взял за жопу» по лирическим основаниям.

Я экономно выгнул бровь.

– Ректор любил молоденьких девочек?

– Нет – молоденьких мальчиков.

«Важняк» не хуже меня поработал с бровью.

– Качественные фото ректора «in flagranti delicti» помогли ему качественно же проникнуться осознанием момента – и девица получила диплом почти «без отрыва от дивана». Правда, на тропу юриста вступать она не спешила, а тут, как раз, нашего «героя» выдвинули. Ну, а уже он выдвинул девицу. То есть, она теперь стала заведовать не только диваном, но и приёмной. В подчинении у неё оказались целых три человека: машинистка, курьер и уборщица.

– Начальник! – «согласился» я, правда, без должного почтения к адресату.

– А то! – не задержался «с консенсусом» «Важняк». – Правда, начальствовать девице было некогда: диван, стол... другие... «постельные принадлежности»... Да и народ канцелярский «не первый день был замужем», так, что вполне обходился без руководящего начала.

– Идиллия!

– Ещё бы! – вновь не стал оппонировать «Важняк». – И всё бы ничего, только девица забыла простую истину: «ничто не вечно под луной».

– Прокурор «намекнул на дверь»?

«Важняк» осклабился.

– На дверь с табличкой «отдел надзора по гражданским делам». Девица сунулась, было, туда, но с «диванным» образованием и критическим минимумом мозгов делать там было нечего. Она к благодетелю: «За что?!». Тот её – этажом ниже: в общий отдел.

Улыбка едва уже помещалась на лице «Важняка».

– Но ведь не даром сказано: «хрен редьки не слаще». Работа в общем отделе тоже не синекура, как и любая работа... кроме диванной. Пришлось нашему «герою» водворять её обратно: «для приобретения опыта». По счастью, которое также организовал прокурор, место оказалось не занятым.

«Важняк» сделал паузу и нагло уставился на меня.

– Слово предоставляется мне? – «догадался» я. – О кей: не занятым оказалось только это место, но не место на диване. Я прав?

«Важняк» художественно «прокис» лицом.

– В тысячный раз: не интересно с Вами, шеф!... Ну, да: пока девица тщетно пыталась набраться опыта, диван «занял другой товарищ».

– «Товарищ»?

– Нет-нет! – обложился руками «Важняк». – Покойничек был мужиком правильной ориентации. Поэтому на роль «товарища» была определена – без малейших возражений с её стороны – молоденькая и смазливая машинистка. Ну, девочка за компьютером. Как Вы могли заметить шеф, секретарша – дама весомых достоинств. Но один недостаток у неё, всё же, имеется. Даже два. Первый – возраст. Второй – б/у. Товарищ «побывал в употреблении» – и презрядно.

– «Конфликт интересов»?

– Какое, там! – ухмыльнулся «Важняк». – Секретарше – под тридцать, машинистке – под двадцать: какой тут может быть «конфликт интересов»?! Это, можно сказать, «разные весовые категории»! Для нашей секретарши – полная безнадёга!

– Места её не лишили, но отказали в содержании? – не слишком потратился я на догадку.

– Вот именно, шеф! Как мне удалось прояснить, и без особых усилий, между прокурором и бывшей «пассией» состоялись, минимум, два «крупных» разговора. Все на этой почве. То

есть, на почве различных взглядов на решение «материального вопроса». Товарищи не стеснялись – ни занимаемых должностей, ни в выражениях, не вполне соответствующих этим должностям. Свидетели показали...

«Важняк» похлопал по кожаной папке перед собой.

– ... что секретарша даже выставила прокурору ультиматум: или он выполняет своё обещание, или она «сдаёт его со всеми потрохами». Редакция – свидетелей.

– И что это за обещание, ты выяснил?

– Секрет Полишинеля! – хохотнул «Важняк». – Я бы, конечно, мог приписать себе заслугу в героическом добывании, но чего не было, того не было. То есть, ничего не было: ни заслуги, ни героизма, ни добывания. А не было потому, что не нужно было. Есть такое «избитое» выражение: «Об этом не знал только ленивый». Так, вот, в нашем случае не знать «об этом» даже ленивый не смог. Потому что девица – в этом отношении не последняя дура – на каждом углу оправдывала свою диванную службу тем, что прокурор «обещались ей отписать» двухкомнатную квартиру или в новостройке, или сталинского типа.

– Хм!

Я не мог не отдать должное женской предприимчивости: классическое «и рыбку съесть, и...» всё остальное, согласно перечню.

– Кроме того...

«Важняк» нагло «притормозил» меня оттопыренными ладонями «ко мне лицом».

– ... прокурор ежемесячно, а чаще в порядке разовой помощи, отписывал ей суммы, в разы превышающие её месячное содержание. Чтобы не быть голословным – да не дадут мне соврать информаторы – несколько раз это были суммы в пятьсот долларов, несколько раз – в тысячу. Чаще, как утверждают всё те же источники, суммы варьировались от ста до трёхсот долларов за раз.

– «Эх, раз, ещё раз, ещё много, много раз»? – хмыкнул я.

– Совершенно верно шеф: мелкие платежи осуществлялись по несколько раз в месяц. То есть, «итога» набегало до тысячи «условных», но таких конкретных единиц.

– И вдруг?

– Ну, не совсем так, – покривил щекой «Важняк». – Но девица стала замечать, что «рог изобилия» то ли иссякает, то ли начинает течь в другую сторону. Она с «иском» к прокурору: «Was ist das?». А он ей...

– «И без Вас любая даст»?

«Важняк» коротко хохотнул, и ещё раз немножко обнаглел: «неуставными» аплодисментами сверх текста.

– Bravo, шеф! Только наш «герой» указал девице на место – и не на то, что на диване – более доходчивыми словами.

– С использованием местных идиоматических выражений?

– И ещё, каких!

– А что – по «жилищному вопросу»?

«Важняк» ухмыльнулся и «подроб» указательным пальцем.

– Законный вопрос, шеф. Так, вот: в ответ «на бесстыдные домогательства» бывшей пассии наш главный законник намекнул ей, что она не только не получит нового места жительства, но и вполне может лишиться имеющегося. «Перейти этажом ниже», как выразились товарищ прокурор.

– А девица, конечно, живёт на первом этаже?

Я прозвучал не столько вопросительно, сколько утвердительно – и лицо «Важняка» опять расплылось в улыбке.

– Совершенно верно, шеф! Так, что намёк товарища прокурора – вполне «читабельный». Не слишком глубоко погружаясь в раздумья, я пробежался пальцами по столешнице.

– Полагаю, девица не осталась в долгу?

– Разумеется. Помимо традиционных пожеланий «белых тапочек», она также намекнула товарищу, если текст... «открытым текстом» можно считать намёком. Тётенька заявила «неблагодарному члену» – редакция информатора – что и она может устроить ему переезд на новое место жительства: в Воркуту или Магадан. Ничего, да, шеф?

И «Важняк» принялся сверлить меня глазами, явно домогаясь «соучастия в энтузиазме». Но я не успел «проявиться»: упорно молчавший доселе «Новичок» «сыграл на опережение».

– Не вижу причин для радости: это, скорее – за девицу, чем против неё.

– Неужели?

Ничуть не обескураженный, «Важняк» не удостоил «наглеца» даже презрительного взгляда: глаза его по-прежнему «обслуживали» меня. Такая постановка – и вопроса, и на место – «Новичка» не смутила.

– Прокурор угрожал секретарше «переездом на нулевой этаж», а она ему – всего лишь «командировкой» в «солнечный» Магадан. Как говорится, «две больших разницы».

– Ты хочешь сказать, что у девицы не было интереса к «окончательному решению вопроса»?

Это уже я включился в обмен мнениями: «Важняк» потихоньку начинал оторопевать от «прогрессирующей наглости» оппонента. В ответ на моё даже не возражение «Новичок» не слишком уверенно пожал плечами.

– Думаю, товарищ генерал, что секретарша была заинтересована в получении квартиры больше, чем в «воздаянии по заслугам».

Я переключился на «Важняка».

– Слышал?

Не забыв отметиться «лучезарным» взглядом в «Новичка», тот покривил щекой.

– Слышал! Только это не отменяет факты. Ладно, если бы «разговор по душам» состоялся», как говорится, «на днях». Но ведь последний раз это было... в последний раз для прокурора! Девица с начальником «обменялись мнениями» буквально за час до окончания рабочего дня! А мы знаем, что конец рабочего дня не стал концом дня! Точнее, концом дня разборок! Вспомните камеру наблюдения! Девица вернулась, когда все уже разошлись по домам!

Палец «Важняка» опять поработал восклицательным знаком, которых у него и так набралось на каждое предложение.

– Все, кроме прокурора! По предварительному заключению экспертизы, смерть наступила... ну, разумеется, «плюс-минус», вскоре после «явления» девицы!

– Вскоре?!

«Важняк» поморщился.

– Ну, хорошо, шеф: «согласуется по времени с появлением девицы». Годится такая редакция?

– Редакция – да, довод – нет!

«Важняк» заскрежетал зубами, потому что автором этих слов оказался не я. Не смущаясь различием в чинах и опыте, «Новичок» продолжал «терроризировать» старшего товарища.

– Явная натяжка, товарищ генерал!

Словно возвращая долг оппоненту, он тоже не удостоил его даже уничижительного взгляда.

– Чтобы делать такие предположения, надо принять на веру «правду» киношных детективов. Только в них время наступления смерти устанавливается с точности до секунды.

«Новичок» был прав. В реальной жизни фокусов типа «как взглянул – так сразу и установил» не бывает. Даже, когда эксперт пытается действовать «по науке»: вставляет термометр подмышку, в рот или задний проход трупа, или жмёт на трупные пятна, засекая время, за которое они восстановят цвет, никаких гарантий это не даёт. Точнее, это не даёт никаких

гарантий для установления точного времени, до минуты включительно. Разброс всегда в пределах нескольких часов. Нередки случаи, когда установить время наступления смерти и вовсе не удаётся, если тело «полежит» и «подвергнется». В таких случаях, не подлежит установлению не только время смерти, но даже причина. Разумеется, если только это происходит в жизни, а не в кино.

– Тебе мало улик?

«Важняк» раздражённо покривил щекой: на полноценную иронию то ли не хватило ресурса, то ли хозяин берёт его для новых «происков» оппонента.

– Напротив, слишком много, – ни на градус не потеплел «Новичок».

Пытаясь водрузить на лицо ухмылку, «Важняк» повернулся ко мне.

– Шеф, надо «колоть» девицу! Верьте мне: надо «колоть» девицу!

– «Колоть»? Насчёт «приведения в исполнение»?

Я «поинтересовался» слишком вежливо для того, чтобы «Важняк» хотя бы не порозовел. Но это не помешало ему сохранить верность установке «Погибаю – но не сдаюсь!».

– Ладно, пусть будет по-вашему: насчёт участия! Или соучастия!

– Соучастия в приведении?

– Да, чёрт возьми!

То, чего не удалось сделать «Новичку», удалось сделать мне: «Важняк» частично «вышел из берегов». Его настойчивость в ориентации на девицу меня не удивляла: в прежние времена я и сам «переориентировался бы». Да, что, там, «в прежние времена»: и сейчас была такая возможность! А была оно потому, что под неё было всё: и подозреваемый, и мотив, и «квалифицированный набор улик», достаточный для вынесения приговора любым судом. Особенно, по нынешним временам.

– «Да, чёрт возьми»?

Не «под влиянием», а в целях назидания я забрался октавой повыше.

– Хорошо: пусть «забирает». Я – о чёрте. Давай заиклимся на девице. А куда мы денем всех остальных? Куда мы денем всё их «наследство»? Исключим из описи, дезавуируем «отказником» – или соберём до кучи? А, если соберём до кучи, то что: бросим жребий? «На глазок» прикинем «распределение обязанностей»?

«Важняк» открыл рот, немного поработал Коньком-Горбунком – и остался без текста.

– То-то и оно, – «приговорил» я товарища. – Нет, приятель: как говорил Владимир Ильич: «Мы пойдём другим путём!».

– Каким? – мрачно «вынырнул» из-под бровей «Важняк». Я усмехнулся.

– Тем, который наметил уже другой товарищ – Адольф Алоизович: «Vorbereitet, vorbereitet und vorbereitet!»

– ??? – в унисон отработали «англоязычные» «враги-сотратники».

– «Готовиться, готовиться и готовиться!»...

Глава восьмая (год 1991)

...«Я не «свистел» подполковнику: сынка мы «взяли в оборот» сразу же – и «по полной программе». И не потому, что взяли «тёпленьким». Хотя и это соответствовало действительности – и не единожды, но дважды: «мальчонку» вынули в буквальном смысле из кровати, а жизнь в нём едва теплилась от вчерашнего «пережора». По совокупности причин решено было «профилактировать» товарища не по месту жительства, а в более приспособленном для такой работы помещении служебного характера. И не в ИВС – изоляторе временного содержания – нашего УУР: там не было никаких условий для творчества. Поэтому товарища доставили непосредственно в Управление уголовного розыска. Точнее: в кабинет начальника УУР.

Подполковник, честь ему и хвала за это, пусть то и другое – сомнительного характера, никогда не отрывался от коллектива. Это – к тому, что он никогда не уклонялся от личного участия «в доведении клиента до готовности». Природная интеллигентность вкупе с прокураторским статусом и избытком нравственности не позволяли мне принимать участие «в подготовительных мероприятиях». Зная моё, в целом негативное, отношение к эксцессам оперативно-розыскной деятельности, Палыч всегда предлагал мне на время отлучиться в местный буфет для ознакомления с его достопримечательностями. Под это дело совершался звонок «тётеньке заведующей» с тем, чтобы мне «отгрузили» чего-нибудь вкусенького и не с прилавка.

Обычно, ещё не успев отойти от закрываемых за мной дверей кабинета, я успевал слышать звуки «начавшейся работы»... с подзреваемым. Звуки исходили не только от самого «объекта работы», но также от его оппонентов и некоторых технических приспособлений. С некоторыми из этих приспособлений я имел возможность ознакомиться «на экскурсии по кабинету». Например, с гибким резиновым шлангом, который «под завязку» набивали песком. Разумеется, для того, чтобы он «держал форму». Уже один вид такого приспособления внушал подследственному всё, что должно было ему внушить.

А, уж, когда начиналась работа! Эффект от применения такого «средства внушения» значительно превосходил тот, которого при помощи розог добился Шурик в известной кинокомедии. При этом на теле «объекта воздействия» не оставалось никаких следов: не только «noblesse oblige», но и культура производства.

К чести оперативных сотрудников, я никогда не видел их, работающими кулаками и сапогами. Также не замечены были они и в применении уже начавших входить в моду полиэтиленовых пакетов «для украшения головы». Товарищи обходились без этих «заморских штучек», и с не меньшим эффектом.

Правда, такой физический контакт нередко дополнялся угрозой другого. Это случилось тогда, когда к несговорчивому «объекту» прямо в кабинет доставляли из ИВС двух «жеребцов», которые тут же начинали пристраиваться к его заднице. Насколько мне было известно – судить об этом я мог только по содержанию воплей, просачивавшихся в коридор – всё заканчивалось исключительно психологическим воздействием. На любого, понимающего толк в последствиях такого контакта, уже одна только угроза его применения оказывала моментальное действие, как отрезвляющее, так и оздоравливающее. Во всяком случае, когда я возвращался с внепланового обеда, подследственный, размазывая сопли по щекам, обычно уже писал явку с повинной. Время его «нахождения в разработке» – часы или сутки от момента падения на него подозрений – принципиального значения не имело...

Сынка в УУР и привезли для спокойной и основательной работы с ним. Частично протрезвевший в дороге, мальчик ещё в машине начал бурно возмущаться допущенным в отношении него произволом, и грозил транспортируемым его сотрудникам «актом насильственного мужеложства» в исполнении высокопоставленного папеньки. Сотрудники не поддались

на провокацию – и зарекомендовали себя выдержанными товарищами... в общем и целом: единственное достоинство, которое они ущемили у дебошира, находилось у того между ног. Это привело «мальчонку» в чувство лучше всякого рассола, не говоря уже о словах. Оставшуюся часть пути сынок молчал, если таковым можно было считать его жалобное скуление от непрерывных контактов ног с тем, что находилось между ними в ущемлённом состоянии.

– Петрович, этот хрен уже у нас! – первому и первым же делом отзвонился мне из кабинета друг Палыч. – Как всегда, мы ждём тебя на второй акт.

– Когда мне прибыть?

Разумеется, я не стал задавать неуместного и даже оскорбительного вопроса: «А ты уверен в необходимости моего приезда?». Начальник УУР и его люди своё дело знали, не говоря уже о делах и делишках своих клиентов... даже, если таковые за ними и не водились.

– Ну, я думаю, пару часов нам с товарищем хватит. Мальчонка он – хлипкий: час в камере, час у меня – как говорится, «за глаза...». Так, что, давай, сверим часы.

Ко времени моего «явления народу» дверь в кабинет начальника УУР была уже не заперта. Незапертыми оказались и окна кабинета. В воздухе стояло то, что ещё писатель Лесков метко определил в своём «Левше» как «потная спираль». Пот заливал и блестящие лица сотрудников. Лицо подопытного... то есть, подследственного, заливали исключительно слёзы.

– Ну, вы и надышали! – поморщился я. – Что, пришлось «переработать»?

– Представь себе! – шумно выдохнул подполковник, опуская закатанные рукава неформенной рубахи. – Ну, совершенно некондиционный товарищ! Помнишь, как Бендер говорил Корейко: «... Вы произошли не от обезьяны, как все граждане, а от коровы. Вы соображаете очень туго, как парнокопытное млекопитающее». Так и этот!

Подполковник раздражённо кивнул головой на всхлипывающего сынка.

– Мы ему – улику за уликой, а он – нам: «Я – не я, и лошадь не моя!». Пришлось стимулировать.

Я усмехнулся.

– А «чапаевские носки» ты ему давал понюхать?

– «Что я: изверг?!» – моментально включился подполковник. Остальные мастера оздоровительных процедур отмолчались: они не были знакомы с «бородатым» анекдотом советской поры. Но, судя по ухмылкам на лицах, намёк поняли все.

– Мы объяснили товарищу, чем его упрямство грозит его же заднице, – ухмыльнулся замначУУР, также никогда не уклонявшийся от «трудо­вой вахты».

– И?

– Подвижки незначительные, так что мы держимся из последних сил.

Отвечая мне, майор смотрел «почему-то» на подследственного. От этих слова «начюстовский отпрыск» вздрогнул: понял, что из «высокопоставленного» может оказаться «просто поставленным» и даже «низко опущенным».

По причине столь незначительного прогресса в вопросе достижения консенсуса мне оставалось лишь вздохнуть, снять пиджак и закатать рукава сорочки.

– Ну, что ж: приступим.

Сынок втянул голову в плечи: вероятно, он решил, что я прибыл на подмогу уставшим товарищам – вместе со своими «отдохнувшими» кулаками и ботинками.

– Итак, что показал наш главный фигурант?

«Мальчонка» ещё раз вздрогнул: всё же, он был неглуп, этот папенькин сынок. Во всяком случае, понять значение слов «главный фигурант» мозгов у него хватило.

Подполковник устало навис над подследственным, словно подготавливая его к работе «артиллерийским наступлением» «огнедышащим» глаз.

– Обвиняемый...

НачУУР тоже неспроста «повысил процессуальный статус» папенькиного сынка: тот отреагировал моментально – очередной партией рухнувших вниз слезинок.

– ... признал...

И это «звучало» и било – по ушам, мозгам и поджилкам: не «показал», а именно «признал»!

– ... что в день убийства действительно «выяснял отношения» с отцом. Выяснять начал ещё днём, уже будучи «хорошо подогретым». Затем выяснение было перенесено на улицу. Точнее, лишь сынок «выяснял» их там: папенька оставались в кабинете. Сынок поматерил отца, пригрозил ему смертоубийством... Пригрозил?

Палыч нырнул в зарёванные глаза подследственного – и тот заревел ещё сильнее:

– Я же не по-настоящему! Я...

– Пригрозил, мать твою?

Сжимая медвежьей лапищей хрупкое плечо сынка, подполковник забрался октавой повыше. При таких обстоятельствах подследственному не оставалось ничего другого, как покорно кивнуть головой.

– Давно бы так! – ослабил хватку Палыч. – Идём далее.

Не будучи приглашён на вечеринку для избранных, обвиняемый...

Подполковник упорно гнул – как свою линию, так и сынка.

– ... избрал и пригласил себя сам. Охранник не посмел «дезавуировать самопровозглашение» отпрыска самих начальника областной юстиции – и обвиняемый получил законную возможность разобраться с папенькой «по полной». Дождавшись, пока отцу «приспичит», сынок последовал за ним в туалет. Кстати, первоначально обвиняемый решительно отрицал своё присутствие в туалете. Но, будучи изобличён свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами, обнаруженными на месте преступления...

В этот момент я не удержался – и покосился на короткий резиновый шланг с явными следами участия в изобличении, как минимум, наравне с остальными доказательствами.

– ... обвиняемый признался в посещении туалета.

Палыч ухмыльнулся и переключил на меня взгляд, которым он только что насквозь про сверливал трепещущего отпрыска.

– И вот тут, друг Петрович, начинается самое любопытное. Оказывается...

Подполковник воздел указательный палец.

– ... сынок задержались в дороге – и папенька успели закрыться в кабинке. Как показал обвиняемый, когда он окликнул папеньку, тот «послал» его. Тогда он попытался открыть дверь, но не смог. От излишнего усердия – и лишнего же количества потреблённого алкоголя – он потерял равновесие, упал, и ударился головой о пол. Очнулся, поматерил отца, после чего ушёл, а больше он ничего и не помнит.

Найдя во мне искомое сочувствие, Палыч тут же вернулся к работе: угрожающе навис над сынком.

– «Потерял равновесие», говоришь... Нет, парень: ты не равновесие потерял – ты потерял совесть. Ты за кого нас принимаешь? Долго ты ещё будешь измываться над нами? Долго ты ещё будешь врать мне в глаза?! Или мне, всё же, пригласить «группу товарищей»? Так они уже здесь – в соседнем кабинете! Позвать? Хочешь «немножко мужской дружбы»?

– Не надо! – всхлипнул «мальчонка». – Я всё скажу.

– Слушается версия номер три.

Почти жестом конферансье начУУР «пригласил автора к микрофону». Сынок уронил голову ещё ниже.

– Я был там...

– Где «там»?

Это был всё ещё текст подполковника: я не мешал товарищу.

Он сейчас был в своей стихии, а мне чужого не надо: ни чужих грехов, ни чужих лавров.

– В туалете... в кабинке, то есть...

– Выломал, таки?

Сынок затряс головой – мелко-мелко.

– Папенька открыли?! – ухмыльнулся подполковник.

– Сама...

– ... по себе? – развернул ухмылку Палыч.

«Мальчонка» немедленно обложился руками.

– Честное слово, товарищ... гражданин начальник: когда я очнулся, дверь уже была открыта. Ну, то есть, приоткрыта. Я поднялся, заглянул туда... ну, на всякий случай – и увидел, ну...

– То, что увидел?

– Да...

Палыч «сочувственно» покачал головой.

– Значит, ты – ни сном, ни духом?

– Вот, ей...

Завершить клятвоприношение сынок не успел: помешал шланг.

– Долго ещё ты, сволочь, будешь глумиться надо мной? – принялся от души охаживать его подполковник. Настолько от души, что мне это пришлось не по душе. Ведь это наверняка «приходилось по душе» подследственного. По душе и материальной оболочке. Нарушение «условий договора» было налицо... и на лице «объекта», и я просто вынужден был укорить друга.

– Па-а-лыч!.. Я, конечно, признаю факт глумления... и всё такое... Но не при мне же! Ну, какие же мы после этого интеллигенты?!

– Извини, Петрович...

Подполковник отбросил назад мокрую прядь с лица – и отступил на шаг.

– Ну, сам видишь: этот тип просто толкает... себя в объятия активных педерастов!

Информация «открытым текстом» «возымела», пусть всего лишь в очередной раз. Глаза сынка перестали слезоточить и округлились от ужаса.

– Извините, виноват... То есть... не виноват... Но...

в общем... Да, я схватил пару раз отца за грудки...

– И больше ничего? – угрожающе сократил дистанцию подполковник. Сынок вздрогнул.

– Ну-у... Ну, может, стукнул один раз... или два... в порядке самозащиты.

– Соображает! – хмыкнул Палыч, разворачиваясь ко мне. – Но очень туго. Как та корова.

Только, если, ты корова...

Разворот ко мне так и не состоялся: Палыч немедленно выполнил обратный маневр.

– ... то и «доись», сука, подобно корове, а не подобно кобылице: по кружке за раз! «Один раз он стукнул!» «В порядке самозащиты!» Чем защищался?! Кастетом?!

Сынок побледнел.

– Ка-ка...

– Кака ты, это верно! – «помог» «опер». Затем он открыл сейф, и бросил на устилавшие стол бумаги кастет. Хороший был кастет – почти эсэсовский, на четыре пальца, с ударными шипами с обеих сторон. «Вещь!» – как отметил бы даже не специалист. – Узнаёшь? Вижу, узнаёшь!

Сынок мотал головой, но больше от ужаса, чем в порядке отрицания. Тем временем, Палыч извлёк из папки какую-то бумажку, и помахал ею в воздухе.

– Заключение экспертизы, приятель! Даже два заключения! Первое: на кастете обнаружена кровь, и эта кровь твоего папеньки. Второе: на кастете обнаружены волоски, и это волоски с головы твоего папеньки! Ну, и третье: здесь же, на кастете, обнаружен отпечаток большого пальца правой руки.

Подполковник выдержал эффектную паузу.

– Твоего пальца и твоей руки!

Это уже было слишком и я отвернулся к окну. Первые два «письменных заключения», пусть и ещё отсутствующие в природе, не вызвали во мне протеста. Но «отпечаток с кастета»? Я не мешал Палычу импровизировать, но только соло: это ведь мне потом следовало знакомить сынка и его адвоката с актами экспертиз. И я не хотел «попадать»: если для «опера» дело заканчивалось отметкой в ОРД «раскрыто», то для нас, следяков, оно не всегда заканчивалось даже в суде.

«Ознакомившись с заключением», сынок ещё раз «покрылся мелом».

– Признаёшь?

Палыч буквально упёрся носом в нос «обвиняемого», и обдал того не только жарким дыханием, но и недвусмысленными желаниями. Это было тем более вероятно, что «шланг» всё ещё находился в пределах досягаемости руки подполковника. Сынок долго сопел. Что самое удивительное, на этот раз Палыч не торопил его с ответом. Наконец, «мальчонка» отпрянул назад, а Палыч даже не стал преследовать его:

– Ну, «раз пошла такая пьянка»... Да, это – мой кастет. Только я не был первым, кто приложился к папеньке.

Мы с Палычем тут же переглянулись: «лёд тронулся, господа присяжные заседатели!».

– Ну, ну! – теперь уже и я включился.

Сынок неожиданно усмехнулся.

– Что ж, я действительно хотел набить папе морду. Он, гад, совсем обнаглел: перестал «отстёгивать»!.. Но пока я добирался до туалета, меня уже опередили – и с теми же намерениями.

– Кто?!

Мы с Палычем отработали в унисон.

– Первый Заместитель отца. К тому времени он уже не просто «разговаривал» с папенькой: он уже «разговаривал» с ним ногами.

– Значит, папенька не сидел «на очке»?

– Не успел.

Сынок опять усмехнулся. Если он и жалел отца, то в глубине души. Так глубоко, что невозможно было и почувствовать.

– Но папенька не зря пользовался авторитетом у шлюх: силёнка у него имелась. И не только в постели, но и за её пределами. Поэтому, когда я вошёл, Заместитель растерялся, а отец несколько раз капитально «достал» его.

Рассказчик неожиданно потёр скулу.

– «Достал» он и меня: видимо, решил, что мы – одна компания.

– А разве он ошибался? – хмыкнул подполковник.

Сынок мужественно промолчал.

– Ну, и ты? – не дал я угаснуть огоньку признания.

– Ну, и я «завёлся с полуоборота».

Сынок ещё раз адресовал ответ полу.

– Кастет сразу подключил? – оживился подполковник: «родная стихия».

«Мальчонка» покачал головой.

– Нет, вначале мы помахали кулаками. Потом...

Он нахмурился и замолчал.

– Потом ты задействовал швабру, – «мило улыбнулся» я.

– Нет, гражданин следовательно...

Сынок выразительно поработал скулами.

– ... это папа задействовал швабру!

Почти без паузы он наклонил к нам голову, и раздвинул пряди.

– Вот, посмотрите!

Посмотреть было, на что: фиолетовые шишки и порезы кожи изобиловали наличием.

– А вот ещё!

«Потерпевший» обнажил плечо. На плече зеленоватой синевой отливала массивный кровоподтёк. Потом «жертва отцовского участия» повернулась к нам спиной. «Художественное оформление» спины тоже впечатляло: она вся была разлинована вертикальными кровоподтёками и порезами.

– Это кто же тебя так: папенька?

Я не только без труда воздержался от иронии, но и едва не посочувствовал.

– Ну, не с Замом же мы сговорились, гражданин следователь?! – почти обиделся «отпрыск». – Для алиби хватило бы и меньших жертв... с нашей стороны.

– Логично.

Я развернулся к подполковнику.

– Палыч, свозишь его на экспертизу: пусть, как говорят в народе, «снимут побои». Заодно узнай о результатах по крови на обломках швабры.

– Лады, Петрович.

Мой друг покривил лицом, но не душой: остался верен себе. Развитие сюжета ему не понравилось, но оппонировать он не стал. Я, тем временем, уже «вернулся» к «мальчонке».

– Только не подумай, что мы играем в доброго следователя и в злого. Я не о тебе озабочусь, а о деле. Мне ни к чему оставлять крючки твоему адвокату.

– Ну, это понятно.

За «неуставным» ответом не последовала обязательная, казалось бы, усмешка: «мальчонка» учился жизни даже не на ходу – на бегу.

– А, раз понятно, «колись» дальше!

«Интервьюируемый» откашлялся.

– Так, вот: когда папенька обломал об меня швабру, я не выдержал.

– Один не выдержал? – «опять нарисовался» Палыч.

Сынок хмыкнул. Немножко можно было, и я не стал взыскивать с «наглеца».

– Зам только приходил в себя... на полу: отец его основательно «приложил». Так что, как ни крути – самозащита.

– Как ни крути, – вздохнул-уточнил я, – а кастет никак не тянет на самооборону.

– А на превышение? – завибрировал надеждой голос сынка.

– Видно будет...

Моё заявление соответствовало действительности не только «на все сто», но и «с перевыполнением плана». Я – человек слова, и поэтому даже из тактических соображений никогда не обещал «клиентам» того, чего либо не собирался, либо не мог гарантировать. Не всегда это было на пользу делу, но ни «по низу», ни по верху никогда не случалось того, что «слух пройдет обо мне по всей Руси великой»: «Петрович – гнида и гад»!

– Кстати, острое одного из обломков в крови. И наверняка это не твоя кровь...

Многоточие вполне «читалось на слух» – и сынок опустил голову.

– Моя... но не кровь: работа... Когда я дал ему по башке кастетом, он не сразу отключился. Пришлось добавить. Ну, а потом я глянул на эти обломки, и такая злость меня взяла: «получил от отца вспомоществование!» А тут ещё этот хрен «проснулся» и как заорёт «Мочи его!». Ну, я и ткнул его обломком в дырку... Кстати, не я один: Зам тоже поучаствовал. Так, что кровь должна быть на двух обломках.

В этот момент что-то угрожающе зашипело в магнитофоне: я включил запись сразу же, как только «малец» начал «колоться». Постфактум оформить это мероприятие как «протокол допроса с применением звукозаписи» всегда было плёвым делом: вернуться к себе и оформлю.

А «в день составления» «обвиняемый», как обычно, подпишет на последнем листе «сокращённый вариант». Как говорится: «не первый год замужем». Главное, чтобы «старичок» не отключился! Сколько раз уже эта допотопная «Романтика» подводила меня – и не сосчитать! Но я мужественно – и столь же обречённо – хранил ей верность: рассчитывать на замену не приходилось. Разве, что на катушечный «Маяк» «из девятнадцатого века».

– Только, гражданин следовательно: я не убивал его!

Под мольбу в глазах и восклицательный знак в голосе сынок скрестил руки на груди.

– Честное слово: не убивал! Когда мы уходили, он ещё стонал!

– То есть, ты хочешь сказать, что подвесил его кто-то другой?

Ответом мне были честно выпученные глаза и «честное-пречестное» удивление в них.

– Что?!

– Твой папа был повешен.

Я прозвучал сухо, лаконично и безжалостно. Прозвучал я так по двум причинам: от профессионального бессердечия и по тактическим соображениям. Уж, очень мне захотелось понаблюдать за реакцией «ответчика». Но реакция меня разочаровала: лицо сынка неожиданно съёжилось – и слёзы покатались из его глаз ручьём. И не литературным ручьём: взаправдашним. Он пытался что-то сказать, но захлёбывался в рыданиях на каждом, не то, что слове – звуке.

Я переглянулся с Палычем – и тот неуверенно двинул плечом. Это неуверенное телодвижение показалось мне знаменательным: уверенность «всегда профессионально уверенного в себе» подполковника была поколеблена. А всё потому, что сынок и выглядел, и звучал не только правдоподобно: достоверно.

– Ладно.

Я недовольно покривил лицом и даже потрёпал мочку уха.

Не нравилось мне всё это. И чем дальше, тем больше.

– Будем закругляться... пока... Скажи только: Зам без тебя не возвращался в сортир?

Сынок шумно отработал носом – и напряг память «без отрыва от слёз».

– Хм... Значит, мы с ним умылись, почистились... ну, насколько это было возможно...

Потом вышли...

Взгляд его прояснялся с каждым многоточием, и, наконец, прояснился.

– Нет: точно не возвращался... Он вернулся в зал.

– Уверен?

– Сам видел!

Я покосился на Палыча, и тот поморщился: ему этот «внеплановый поворот сюжета» не нравился ещё больше.

– Ну, а ты?

Сынок всхлипнул.

– Я вышел на улицу и сел в отцовскую машину... Водителю сказал, что отец велел отвезти меня домой. И мы поехали... Вот и всё.

– Вот и всё!

Я имел не меньше прав на эту фразу: «ещё одно последнее сказанье – и летопись окончена моя». Я поставил точку в «кратком изложении» показаний сынка, оформленных на бланке протокола допроса подозреваемого, и пододвинул лист «мальчонке». Тот вздохнул, пробежал глазами «текст рукописи», и перевёл их на меня.

– Ах, да! – спохватился я. – Ты же «первоходка» у нас! Ладно, пиши: «С моих слов записано верно. Мною прочитано. Замечаний и дополнений нет». Поставь дату и распишись.

Перманентно дрожащей рукой сынок «подмахнул» лист, и отодвинул его от себя.

– А теперь ещё один момент, но менее приятный.

Я поморщился и вручил сынку другой лист, только что извлечённый мной из «боевой» – за обилием «шрамов» – «ветеранистой» папки. Вместе с заинтересованным взглядом Палыч тут же вынырнул из-за плеча сынка.

– «Постановление об избрании меры пресечения», – задрожал губами подследственный.

– И, к сожалению, в виде содержания под стражей, – вопреки заявленному сожалению, лицемерно вздохнул я. «По совокупности» я тут же удостоился благодарного взгляда подполковника, который в очередной раз восхитился тем, что «я – человек». В смысле: «человек слова». Но восхищаться было нечем: «это мне свойственно!», как пафосно отрекомендовал себя один товарищ. Я пообещал «санкцию» – и исполнил обещанное. Я ведь не обещал «поставить точку», а заодно и «крест» на отпрыске Начюста – как минимум, сразу.

– По дороге в СИЗО тебя завезут на экспертизу.

Не забыв и об этом своём обещании, я протянул Палычу постановление о назначении экспертизы.

– Когда ты всё успеваешь! – хмыкнул подполковник. Только я не заслужил и этого восхищения: бланк был типографский, и мне оставалось лишь проставить реквизиты «объекта исследования», да задать пару дежурных вопросов: «Имеются ли на теле... «и «Не могли ли они быть причинены...».

– Чуть не забыл!

Вместо того, чтобы «начинить» себя румянцем удовольствия, я самокритично приложился ладонью к затылку. К своему, разумеется.

– Палыч, вы нашли тот пиджачок, в котором подозреваемый...

– ???

– ... хорошо: обвиняемый был в тот вечер?

– Само собой! – благодарно улыбнулся мне Палыч: я в очередной раз не подвёл друга.

– И?

– Все пуговицы на месте.

– Это – от пиджака Зама пуговица, – откуда-то снизу «пробился» к нам сынок.

– Точно?

Я «преисполнялся» не в одиночку: подполковник мужественно составлял мне компанию. «Мужественно» – это оттого, что преисполнялись мы отнюдь не энтузиазма: «чем дальше в лес – тем больше дров». А, если «ближе к земле»: чем больше улик – тем меньше шансов на одного подозреваемого.

– Точно. Он даже ползал там в этих лужах, да не нашёл...

– Сообразил, гад, – не слишком радостно ухмыльнулся подполковник.

– Да, уж точно – не от жадности, – буркнул сынок. – И не оттого, что жена заругает.

Я развернулся к «оперу».

– Всё понял! – обставился руками Палыч...

Глава девятая (наши дни)

...«Vorbereitet, vorbereitet und vorbereitet!» означает не только «Готовиться, готовиться и готовиться!». Ещё это означает и подготовку к худшему. В нашем случае – к тому, что подозреваемых окажется значительно больше одного, и ни один не потянет на стопроцентного. Но даже в таких, совершенно «не творческих» условиях, готовиться – это не сидеть, сложа руки. Разве что, напротив подозреваемого, сложив руки на его плечах. И пусть говорят, что «лицом к лицу лица не разглядеть». Ещё, как разглядеть! Если, конечно, функционировать в режиме: «В глаза мне, в глаза!»...

...Девушка первой стояла на очереди – а, значит, и первой же была «запущена в производство». Работу с ней я поручил «Важняку»: «Новичок», по молодости лет, ещё не был готов к randevу лицом к лицу с «асами диванного труда». Точнее, глазами – к сиськам. Пока ещё он не мог противостоять декольтированной высокой груди, юбке, едва прикрывающей трусики, а, главное: наглому призывному взгляду. Это отнюдь не свидетельствовало о его «профнепригодности» или моральной неустойчивости: мальчик он был «честных правил». Но на равных бороться с чарами искушённой в постели бабы он ещё не мог. Здесь требовался человек с аналогичным опытом «с другого фланга». Желательно, профессиональный циник. А таким, помимо меня, «на балансе прокуратуры состоял» один только «Важняк».

Первый допрос я удостоил личным посещением: хотелось получить стартовое впечатление «с натуры», а не «в копии». Ведь первое впечатление – не всегда обманчивое. И неважно, что первых впечатлений имелось уже несколько «штук». Те впечатления были «тренировочного», даже «разминочного» характера. А первому в процессуальном отношении ещё только предстояло родиться.

Девушка с ходу начала оправдывать все наши ожидания. Все, без исключения. Первым делом она поняла тщетность попыток соорудить из длинных ног и высокой груди смягчающие обстоятельства. И правильно: «Важняк» прошёл испытание ногами и сиськами, куда более высокопоставленными. Поэтому девушка сразу же заняла «процессуальную позицию»: глазами не в сторону дивана, а в сторону УПК.

– Я не знаю, чем я ещё могу помочь следствию.

«Чистосердечное признание» тут же было оформлено экономным жестом из разведённых рук.

– Я сказала всё.

– ... что сочли нужным сказать.

«Важняк» даже не улыбнулся: когда требовалось для дела, он даже скалу мог заставить позеленеть от зависти к личной монументальности.

– А мне нужно всё!

Восклицательный знак в конце предложения громыхнул подстать кулаку по столу. Эффект... «возымел себя»: девушка вздрогнула.

– Я не понимаю Вас...

– А я не понимаю Вас! – «добавил камня в лицо» «Важняк». – Вы, что: хотите, чтобы я предъявил Вам обвинение в убийстве?

Следовательский «кросс» «Важняка» сработал не хуже боксёрского: девушка пошатнулась, даже сидя на стуле. Именно по этой причине она не сподобилась на полноценный ответ: лишь помотала головой.

– Тогда я могу предложить обвинение в соучастии!

На этот раз секретарша подключила к изумлению отвешенную челюсть. Хотя, принимая во внимание незначительное количество серого вещества, состоящего на балансе девушки, челюсть, скорее всего, отвисла самостоятельно.

– Есть и третий вариант, – продолжил окаменевать лицом «Важняк». – Вы идёте за укрывательство и недонесение. Идёт?

В смысле: идёте?

Девушка, наконец, проглотила комочек в горле.

– За что?!

– Ну, я же сказал: за недонесение и укрывательство.

– За что?!

Глаза секретарши распахнулись по максимуму – и «Важняк», наконец, счёл возможным расслышать комбинацию из двух знаков.

– Ах, в этом смысле? Так ведь Вы не оставляете мне выбора. Вы сами воздвигли «указательный знак на развилке»: «направо поехать – коня потерять, налево поехать – казну потерять, прямо поехать...»... Вот! Вы же до сих пор не сказали ни слова правды! И что я могу Вам предложить? Лишь то, что... могу. Точнее: лишь то, что Вы сами предложили мне... предложить Вам.

Реакция оказалась плановой: секретарша зашла в слезах. «Важняк» – «бестактный человек»! – как заправский садист, принялся с энтузиазмом любоваться страданиями молодой женщины. Он не предложил ей не то, что платка: стакана воды! Минут пять я терпеливо ждал от него проявления мужского благородства – так и не дождался!

Видимо, осознав, что сочувствия в этом кабинете не добиться так же, как и взаимности, девушка отставила и это бесполезное занятие.

– Чего Вы хотите?

– Я хочу, чтобы Вы помогли себе!

В этом месте мы с «Важняком» хмыкнули в унисон. Только я сделал это вслух, а он – в глубине души. Увы, приём нельзя было назвать даже избитым – как затасканный. Но девушке было не до стилистических тонкостей: она пыталась расшифровать призыв.

– Я Вас не понимаю...

Ответ её не блистал оригинальностью, но подвижки были налицо... на лице.

– Зачем Вы вернулись в прокуратуру?

– Когда?

– В вечер убийства?

Руки секретарши немедленно взмыли вверх и завибрировали одновременно с голосом.

– Я не возвращалась!

– Ложь! – «приятно» улыбнулся «Важняк». – Камера наблюдения зафиксировала не только факт Вашего возвращения, но и время. Случилось это в восемнадцать часов сорок минут. Почему Вы вернулись именно в это время?

– Я не возвращалась!

Странно, но состояние девушки мне показалось близким к истерике, а её слова – к правде. Мозгов на качественную игру, да ещё «на чужом поле», у неё не хватало «по определению», но звучала она весьма правдоподобно. Даже правдиво. А это могло означать лишь одно: её слова были правдой. Хотя бы, в какой-то части.

– А когда Вы вернулись? – подключился я, тоже

«с максимальным дружелюбием» в голосе и во взгляде.

– Я не возвращалась!

Девушка уже не могла сдержать слёз. Плакала она тоже убедительно: у меня на такие дела глаз намётанный. Положение становилось любопытным. И не её положение: наше с «Важняком» Одно дело – секретарша плюс остальные улики. И совсем другое – остальные улики минус секретарша.

Я немедленно озадачился взглядом, и вместе с ним покосился

на «Важняка». Тот отреагировал моментально: повернулся к сейфу и повернул ключ в замке.

– Не хотите по-плохому – по-хорошему будет ещё хуже!

С этими словами он вставил компакт-диск в проигрыватель.

– Смотрите и не говорите, что не видели!

Секретарша утёрла распухший уже нос платком и повернулась к экрану, на котором «человек, похожий на заведующую приёмной областной прокуратуры», входил в двери означенной прокуратуры. Таймер в углу кадра показывал восемнадцать часов сорок минут.

– Ну, что Вы теперь скажете?

Для начала девица не могла сказать ничего: она была изумлена. Даже потрясена. И потрясение её было каким-то «неправильным»: она явно потрясалась не фактом разоблачения, а наличием того, чего быть не могло, но было. Я «не первый год замужем», и понимал толк в подобных делах. Девица была «не из ЦРУ» – тутошняя, и подобная нестыковка, если не потрясала, то заставляла хотя бы задуматься о самой себе и причинах. И заставляла не «вообще» – уже конкретно меня.

– Это не я...

– Как это не Вы?!

«Важняк» даже «вскипел от негодования», правда, чересчур старательно.

– Шуба Ваша?

Девица ещё раз припала к экрану.

– Шуба, кажется, моя, но...

– Капюшон Ваш? – не давал опомниться «Важняк». Секретарша растерянно пожала плечами.

– Вроде, мой...

– Сумочка Ваша?

– Они все похожие...

– Хорошо!

«Важняк» и не подумал терять терпение: рано, да «и не таких раскалывали!».

– Рост Ваш? Фигура Ваша?

Я не стал вмешиваться, хотя вопрос насчёт фигуры был явно «не того»: какая фигура – в шубе?! Да и всё остальное сильно напоминало сценку в фотоателье из фильма пятидесятых годов: «Пиджак Ваш? – Пиджак мой, а лицо не моё!».

– Может, Вы хотите заявить о том, что эта запись – подделка? Заявите! А я на это Ваше заявление... нет, не «начхал», не «плевать хотел» и даже не «положил»!

Энергично блестя глазами: весь – в творчестве! – «Важняк» извлёк «из колоды очередного туза».

– Извольте ознакомиться с заключением экспертизы!

А, вот этим моментом я заинтересовался всерьёз. Что это: тактический ход под «черновик акта» – или «Важняк» и в самом деле сподобился? В итоге, над актом мы с секретаршей склонились почти «в унисон». К моему приятному удивлению, акт оказался подлинным. И когда они только успели – и акт – «оказаться подлинным», и «Важняк» – «подать к обеденному столу»?!

Склонившись над документом, секретарша задрожала пальцами и губами. «Важняк» терпеливо дождался финала. Наконец, девица подняла на него потрясённый взгляд.

– Не может быть...

– Может, и не может, но есть!

«Важняк» раздулся от удовольствия, вернул диск сейфу, акт делу, и оперативно «сдулся».

– Ну, что: будем говорить правду?

– ...

Секретарша не играла: она ещё честно не успела отойти от потрясения.

– Правду будем говорить? – «интеллигентно» продублировал «Важняк».

– Какую? – почти неслышно прошелестела губами девица.

– Единственную!

Я усмехнулся: не допрос из жизни, а прямо «Мёртвый сезон»: «Кто с тобой работает, говори?». На худой конец – «Место встречи...»: «Правду мы, выходит, говорить не захотели...».

– Чего Вы от меня хотите?

Девица вновь изготвилась к слезам, только на этот раз «Важняк» не выдержал линии.

– Во всяком случае, не любви! – нагло ухмыльнулся он. – Я не Остап Бендер, а Вы не Корейко. Поэтому я не хочу, чтобы Вы меня полюбили. Меня вполне устроят Ваши чисто-сердечные признания.

– В чём?! – тоже не выдержала линии секретарша: почти сорвалась на крик.

– В том, как совместно с другими, пока не установленными лицами, Вы осуществили акцию по переводу господина прокурора с этого света на «тот». Меня интересует, кто были второй, третий... ну, и так далее?

Девица уронила голову.

– Не было ни второго, ни третьего, ни «и так далее»...

– Вы хотите сказать, что в одиночку засунули этого кабана в петлю?!

Под грузом ухмылки лицо «Важняка» разъехалось в стороны.

– Не верю! Ну, вот, не верю! И не как Станиславский и даже не как Паниковский: как старший следователь по особо важным делам! Как хотите, не верю!

– И правильно делаете...

– Вот и Вы правильно сделайте! – тут же ухватился «Важняк». – Назовите мне тех, кто был с Вами?

Секретарша обречённо покачала головой.

– Это – бред, какой-то...

– Нет, это – правда!

«Важняка» прозвучал «гибридом» из осуждения и сочувствия.

– Вот это – правда!

Он постучал по сейфу.

– Вот это!

Теперь уже досталось папке с делом.

– А есть и другое!

Папка ещё раз поделилась содержимым – и «Важняк» помахал в воздухе сдвоенным листом.

– Значит, Вы утверждаете, что в тот вечер не возвращались в прокуратуру?

Секретарша не уловила многообещающего подтекста в голосе следователя и молча покачала головой.

– Может, и прокурору Вы не угрожали?

Теперь не понять следователя, «вышедшего открытым текстом», нельзя было и при желании, и девица встрепенулась. Правда, на окончательное постижение несколько секунд, всё же, ушло.

– А-а-а: в приёмной слышали?.. Ладно: этого я не отрицаю. Было: мы действительно ругались. Он поменял меня на молоденькую сучку, ну и...

– И Вы потребовали сатисфакции?

Девица честно округлила глаза.

– Ну, возмещения убытков, – «перевёл» уже я: «Важняк» был занят уничтожением «объекта».

– Не возмещения, – нахмурилась секретарша, – а обещания.

– Скажите ещё, что он обещал на Вас жениться!

«Важняк» хохотнул: совсем отошёл от линии. Но девица не смутилась.

– Не скажу: на хрен мне такой муж... Он мне квартиру обещал... как это...

– ... отписать.

Я вновь «помог нуждающимся».

– Да! Только «разговор по душам» был не в день убийства, а накануне.

– А согласно показаниям свидетелей...

– Хорошо, – уронила голову секретарша. – В день убийства мы тоже поговорили... на повышенных тонах...

«Важняк» решительно заскрипел креслом: разговор, уходящий в сторону – и совсем не в ту, куда он хотел привести его – возвращался «в русло».

– Итак, возвращаемся «к нашим баранам»!

– К нашему барану, – неожиданно поправила секретарша.

– Идёт! – хохотнул «Важняк». – Значит, Вы признаёте, что в день убийства грозили шефу «белыми тапками» и «Магаданом»?

– Ну, не всерьёз же!

Девица почти возмутилась.

– Это... как его... её?

– Фигура речи – мягко «а ля крокодил» – улыбнулся я. – Это, если «её». А, если «его», то стилистический оборот или образное выражение.

– Вот-вот: выражение! – «почти обещалась мне» благодарная девица. – Потому что все так говорят!

– Но не все так делают!

«Важняк» решительно «завернул» девицу «в канву».

И не воздать за это должное было нельзя: парень всё сделал мастерски.

– В последний раз спрашиваю: в вечер убийства возвращались Вы в прокуратуру, или нет?

– Нет.

– А коньяк с прокурором?

– Что?

– Пили или нет – «что»?

– Когда?

– Вечером?

– Нет.

– А днём?

– Нет.

– А зачем тогда «сортируете»? – «полыхнул» «Важняк».

Девица промолчала. Но я не стал бы делать многозначительных выводов ни её молчания, ни из её вопроса. Ответ был на поверхности: дефицит мозгов. Только «Важняк», похоже, и не собирался делать выводы: он уже сделал – один. А сейчас он хотел сделать этот «один вывод» общим. Их с секретаршей общим.

– Значит, не пили?

Дружелюбия в улыбке «Важняка» было слишком для того, чтобы... принять это за дружелюбие. «Слишком» не только для меня – и для девицы тоже.

– Нет, не пили.

– Читайте!

Уже наполовину изменив актёру в себе, «Важняк» бросил на стол перед девицей прошитые стиплером листы бумаги. Одного, даже не профессионального, взгляда на них хватало, чтобы понять: это – акт дактилоскопической экспертизы. Доказательством тому являлись стандартный бланк, фототаблица, наконец, заголовок, изобличающий этот документ именно как «акт дактилоскопической экспертизы».

– Можете опустить «гастрономические подробности»: все равно не поймёте, – не снизошёл к девице «Важняк». – Поэтому ознакомьтесь только с вводной и заключением.

Девушка медленно поползла глазами по страницам. Дойдя до подписи эксперта, она некоторое время тупо «изучала» её, а затем вернулась на первую страницу с явным намерением «зайти на второй круг».

– Хватит!

Уже не сообразуясь с тактом, Важняк совершил отъём документа, и вернул его в папку.

– Sapienti sat!

– А? – «чистосердечно призналась» девушка – и мне вновь пришлось исполнить роль «переводчика».

– Следователь интересуется, поняли ли Вы, что на одном из стаканов в кабинете прокурора обнаружены отпечатки прокурора, а на другом Ваши?

Девушка облизнула губы – и вовсе даже не плотоядно.

– Да... Но там моих отпечатков...

– Нет! – с ядовитой улыбкой вклинился «Важняк». – Да, тётяшка: согласно показаниям многочисленных свидетелей, вы с потерпевшим неоднократно уединялись не только на диване, но и за столом. Но, как показала уже персонально уборщица, она всегда мыла и протирала стаканы, которым пользовались гости прокурора и он сам. Прокурор, оказывается, был редким занудой. Но в тот день – опять же по показаниям уборщицы бабы Любы – она не смогла вымыть стаканы, так как прокурор с гостями «засиделись».

Улыбка «Важняка» стала невыносимо приторной.

– Так, что, как говорится, «давайте, не будем», гражданка! Если Вам этого мало, то в кабинете прокурора обнаружен и законсервирован запах духов, которыми в прокуратуре пользуется только одна женщина. Угадайте с трёх раз, кто именно?

– В прокуратуре все пользуются духами, – не стала гадать секретарша. – Даже баба Люба – и та иной раз обрызгается. И, кстати, не «Красной Москвой».

Улыбка «растасила» лицо «Важняка на пределе возможностей».

– Как это верно сказано, тётяшка! «Москва» действительно оказалась... совсем не «Красной», а вовсе даже «Медаи Асахи»! А духами этой фирмы по месту работы пользуетесь только Вы! Вот показания свидетелей, а вот заключение одорологической экспертизы о том, что этот запах – духов «Медаи» японской фирмы «Асахи». Сладковатый, такой, специфический цветочный запах.

Секретарша побледнела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.